

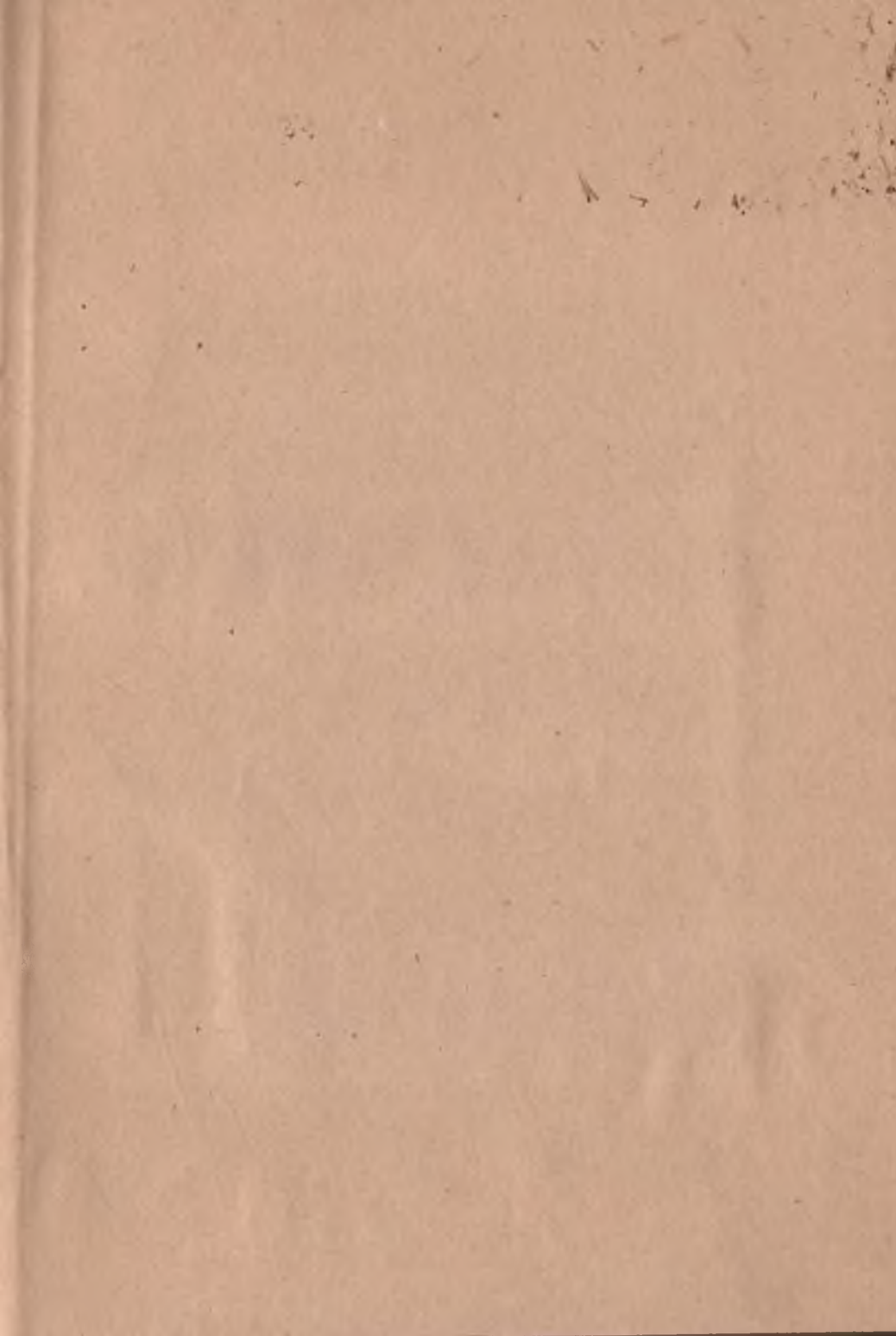
Леонид Мартынов

ПОЭМЫ

52

ИСПОЛНЕНО
47
10

23

572

— —

572

1943

Леонид Мартынов М-25

ПОЭМЫ

0177

572

УЧЕТ 422

Художественный отдел
СЛУЖБА
3230 / 816

57

ОМСК 1940
Омское Областное Издательство

87(2000-199)0
к м29

Леонид Мартынов. Поэмы.
Омское областное государственное
издательство. 1910. Изд. X-2-в.
Изд. № 43-XV.

★
Редактор С. Тихонов.
Технический редактор
В. Кохановский.
Корректор Д. Аспашкин.
Переплет и титульный лист
худ. А. Окушко.

★
Сдано в набор 22.VIII.40 г. Подпи-
сано к печати 23.X.40 г. Формат
59×87/16. Объем: 3,375 бум. л., 6,75
печ. л., 6,63 уч. изд. л., 39 290 тип.
зн. в печ. л. Тираж 6000 экз.

★
ПД 10290.

★
Типография изд. „Омская правда“,
г. Омск, ул. Декабристов, 47.
Заказ № 6873.

★
Цена книги 3 р. Переплет 1 р. 50 к.

Бюджетное учреждение
города Омске
«Омские муниципальные библиотеки»

43 ЦЕНТРАЛЬНАЯ
ГОРОДСКАЯ БИБЛИОТЕКА

208877³

ВСТРЕЧА

Когда в багряный час заката
Пастушья запоеет труба,
Ты вся копытиста, рогата
Становишься, о, Бараба!
Колышатся густые травы,
Дичь мечется во мраке трав,
Бичами свищут гуртоправы
У мелководных переправ,
Приземистые скачут кони,
Овечьи движутся стада...

А вдалеке на небосклоне
Мерцает яркая звезда.
То—свет, даримый светофором.
Он близ земли, а не с небес.
Там—полустанок, на котором
Не остановится экспресс.
Степь широка. Вся—перед нами.
Ты, ночь, воспой и возвеличь
За дальней станцией Чанами
Глухой разъезд Чертокулич!

*

Начнем мы не оттуда повесть.
В семнадцатом году весной
Один мужик в почтовый поезд
Залез на станции Степной.
Известно—станция Степная
Шумна, хотя невелика.
Ругались бабы, проклиная
Оборванного мужика.
Зачем залез, зачем на полку
Мешок свой бросил, не спросясь,
Зачем толкается без толку
И курит, и разводит грязь.

Во тьме, как на болотных кочках, толчками движется состав.
Трясутся бабы в уголочках, язвить и гневаться устав.
И лишь не спят одни солдаты, сигарки толстые паля.
Ворчат солдаты, бородаты, в шинелях серых, как земля:
— Вот мы с войны. А ты откуда? Отлеживался на печи?
Поди—хозяин? Денег груды. Пшеничны трескал калачи!
— Нет, из глухой я деревеньки. Батрачествовал много лет.
Теперь ушел. Имею деньги. Сотнягу. Радужный билет.
— Катюшу?
— Именно Катюшу. Как ни хитрил, как ни финтил
Хозяин, язви его в душу,—не отвертелся, уплатил!
Он все-таки перепугался,—не по нему переверот,—
С работниками рассчитался—мол, равноправный вы народ!
Хотел и тут он облапошить, да трудно обсчитать меня.
Приобрету теперь и лошадь, давно мечтал иметь коня!

И слушали тебе солдаты,
Мечта у всех была одна:
„Э, будем сыты да богаты!“
„Переменились времена!“
„У всех коровы будут, кони!“

И плыли из вечерней мглы
Кормиловка, затем Колонья,
За нею следом Кабаклы.
Так плыли станции из мглы.
Названья остановок этих
Давно уж знал ты. Наизусть
Ты б мог твердить, как песню петь их...
Но что ж не проходила грусть?
Что ж бормотал ты, чуть не плача,
Махал рукой ты бормоча:
— Калачинск! Калачи горячи. Поди, отпробуй кулича!
Поди, солдат, возьми покушай. Тебе я говорю, солдат!
Поди, солдат, поди послушай о чем там люди говорят.

*

Дородные тут сибирячки
Садилы в печи куличи.
Смеялись гордые богачки:
„Ты счастья ищешь? Поищи!
Пришел, переселенец тощий,
Ты в наши сытые края.
Что ж! За Султановы рожи

Иди! Там степь еще ничья!⁶
А бедные то сибирячки,
Хлеб тощий вынув из печи,
Шептали: „В дальнем буерачке
И нам ты счастья поищи!
Живем давно с богатством рядом,
А все то пуст наш старый дом.
К нам счастье обернулось задом,
А вот к соседям—передом!“

На рыхлых черноземных почвах
Осело крепко кулачье,
У рямов, на болотных кочках
Искал ты счастье свое.
Холодный ветер старой Тары
Дышал по краю Барабы.
В урманах мучились татары,
Болот унылые рабы.
Чалдона, латыша и эста
И белоруса шел там спор,—
Тот спор был за сухое место
Среди болотец и озер.
Там все, там все страдали тяжко
Народы—данники царя.
Ах, провались ты, Николашка!
Ты с трона полетел не зря!
Судьба, унизь теперь богатых,
А угнетенных возвеличь!

И выплыл тут из талой вьюги глухой
разъезд Чертокулич.

*

Там встречный поезд в сумрак вросся,
Заиндевелый добела.
На буфера и на колеса
Восточных вьюг калипла мгла.
На маленьком разъезде этом
Скрещались редко поезда,
Но вот скрестились.

Мутным светом

Сияет окон череда.
Вдруг шумно стало, многолюдно.
При многолюдии таком
Ты понял, что пробраться трудно
До бака с мутным кипятком.
Но все ж ты вышел при посуде

И только сделал шаг вперед—

Вдруг видишь: что это за люди во встречном поезде? Народ
Перед вагоном там толпится. И все толкуют об одном:

— Что там за люди?

Чьи-то лица вдруг промелькнули за окном.

— Да это ссыльные! Понятно. Теперь домой они спешат.

В Москву торопятся обратно. В столицу едут—в Петроград,
Вдруг понял ты. Они назад спешат в Москву и в Петроград!

*

И вот тогда. . . Ты помнишь это? Вдруг ощутил ты чей-то взор.

Не на перроне, а в вагоне кто там стоит, глядит в упор?

Глядит через окно вагона, через невымытое стекло,

Которое зеленой мутью так неприятно затекло.

Ты помнишь этот полустанок? Весенний ноздреватый снег

И встречный поезд. И в вагоне, там у окошка, — человек.

Глядит, жалея и любя.

Глядит он прямо на тебя!

Его глаза дарят вниманьем, к которому ты не привык,—

Как будто думает глядящий:

— Весьма оборван ты, мужик!

А ты смутился, удивился, но и разгневался зараз.

Подумал ты: „Чего он смотрит? Зачем он смотрит, щуря глаз?

Откуда он? Никак, с Кавказа. Из политических, видать.

Отправили тебя с Кавказа в Сибирь на каторгу страдать.

Так что ж глядишь, меня жалея? Скажи, имеешь ты хоть грош?

Чье положенье тяжелее? Через окно не разберешь!“

Так ты подумал. Ты подумал: „Вот будет лошадь у меня,

А ты, когда вернешься в горы, приобретешь ли ты коня?

Вот у меня в моих лохмотьях зашито ровно сто рублей..

Еще, приятель, неизвестно чье положенье тяжелей!“

И в непонятном возбуждении к вагону ты шагнул вперед.

И вдруг ответное движение там, за окошком, сделал тот..

Ты видишь: он тебе кивает, стоящий около дверей.

Как будто ближе подзывает: давай, мол, подходи скорей!

Вот скрылся. Сам шагнул он к двери?

Но кто скорей раскроет дверь?

Зачем так застучало сердце?

Что скажешь ты ему теперь?

И в непонятном возбуждении ты шаг еще шагнул вперед.

„Давай поговорим, приятель, коль пострадал ты за народ!“

Со мной хозяин рассчитался, все заплатил в конце концов.

Он политических боялся. А ты за этих молодцов.

Я в узелке имею сало, калач имею, колбасу,

А коль не брезгуешь ты выпить, тебе и чарку поднесу!“

Ты подбежал уже к вагону. Высоко руку ты занес,

Хотел за поручень схватиться...
Но глухо крикнул паровоз...
Рвануло.
Ты скользнул обратно на ноздреватый вешний снег.
Пошел на запад встречный поезд. И с ним уехал человек.

*

Ты помнишь? Что же дальше было?
Попал ты в Каинск поутру.
И гриву рыжую кобыла
Там развевала на ветру.
И в степь Барабинскую позже
Ты возвратился на коне.
В руках держал ты крепко вожжи.
„Что больше,—думал,—надо мне?
Куплю корову. Куры, овцы и свиньи будут у меня“.

Но год прошел и колчаковцы угнали твоего коня.
Нет! Не сумел ты жить богато. Не стал хозяином тогда!
Ты видел, как горели хаты, как с рельс валило поезда,
Как трепетали города...
А иноземные солдаты все шли с востока, как орда!
Нет! Не хозяйством ты был занят, но стал участник в той борьбе
„В лесах он где-то партизанит“, — сказали люди о тебе.
Ты сед. Но вспомни вновь про это.
Поведай, через сколько лет
На стену сельского совета повесил ты его портрет..
Степей цветущая громада
Шумит высокою травой.
Когда ж идет овечье стадо—
Вся степь как в шубе меховой.
Но вспомни: март, разъезд далекий,
Солдаты, бабы, мокрый снег
И ты—скиталец одинокий,
И—за окошком—человек.
Ты сам не знаешь... Овцы, кони...
Богатство, бедность... Явь и сон...
Быть может из окна в вагоне
Глядел тогда совсем не он,
Но некто на него похожий,
Его соратник может быть!
И так быть может. Ну так что же!
О том, что было—не забыть.
Ты прав. Он друг и вождь народов!
Верь—он встречался и с тобой.
Его судьба давно скрестилась с твоей нехитрою судьбой!

СЕСТРА

1

Казалось, он все это видит во сне.
Тюрьма в керосиновом смрадном огне,
Оледенелая грязь...
Скомандовали:
— Залазь!
Втолкнули в машину. Она понеслась.

Знобило. Одеться не дали ему. Он знал: не вернется обратно
в тюрьму,

Где стоны, тяжелые вздохи,
Где весят полпуда замки у дверей,
Где тощие крохи гнилых сухарей, где жирные блохи.
В тюрьму не вернется. Навстречу летят избушки, заплоты
косые,

Мелькнул перекресток. Витрина. Плакат—призыв к
возрождению России.

Закрыло сугробом. Но вот и опять—Россия со скорбью во
взоре.

Удастся ли вам, идиоты, распать Россию на омском заборе!
Промерзлая плесень, кровавая слизь на бревнах, на камне,
на плахах—

Все сзади. Все призраки вспять понеслись—орда в башлыках
и папахах.

2

Снег хрустит.
Дым из труб.
Дам толстит пышность шуб...
Руки в муфту, нос в гаржет...
Ну, а если шубы нет? Только—драповый жакет?
Было очень хорошо б, чтобы ветер сек не в лоб.
В переулке крут сугроб, но пора туда свернуть,
Чтоб от ветра отдохнуть,
Посвободнее вздохнуть.
Да и будет ближе путь!

Над рекою Тишиной вал старинный крепостной.
Стужа.

Костры пылают.
Борется в небе прожектор со тьмой.
Где-то собаки лают.
Страшно в городе этой зимой.

Вдруг между крепостью и тюрьмой—девушка слышит—стреляют!
Снова!

Все ближе!

Отрезан путь? Что-то опять началось там?

Надо бы Мокрое обогнуть и Деревянным мостом,
Даже, пожалуй, Волчьим хвостом и—по Старомогильной!

Нет! Не пройди! В переулке пустом

Стиснут мерцающим снежным пластом кузов автомобильный.

С полного хода прямо на вал! Косо торчат колеса.

Крики:

— Ловите! Убежал!

— Бросьте! Я видел—он здесь лежал!

Всадник какой-то пронесся.

Вот и другой. Показал он хлыстом:

— Видите, там за погостом!

— Не за погостом, а за мостом!

— Не за мостом, а за Волчьим хвостом!

Ринулись с хрустом и хлестом. Мчатся со свистом и хлестом.

Ну, пронесло. Теперь—вперед.

Только бы скрыться за поворот.

Дальше—пустое дело.

...Шорох в снегу, уловимый едва.

Девушка видит: из темного рва чья-то показывается голова
медленно и несмело.

Страшный. Без шапки. Полураздет. О, как озаряет лунный
свет длинные черные ноги!

Выполз. Широкий кровавый след тянется по дороге.

— Я не покойник. Тише, мадам! Тише, прошу. Не кричите!

Сел. Присмотрелся к кровавым следам. Властно сказал:

— Затопчите!

Ну, затопчите скорее ногой, чтоб не осталось крови!

Темный, без шапки, полунагой. Сердится, хмурит брови.

Вздрогнув, сказала:

— Да, да. Помогу. Вы успокойтесь. Я вмиг добегу.

Живо прибудет карета. Из лазарета.

Вот вам жакетка. Оденьте пока.

Вот вам платок. Забинтуйте пока. Очень болит рука?

Но не успела ни снять платка, ни расстегнуть жакета—

Встал человек.

Схватил за плечо. Молвил негромко, но внятно:

— Что вы там выдумаете еще! Я ж из тюрьмы. Понятно?

Свежий снежок заметает след.
След не ведет в лазарет.

3

Заявление написано:

„Прошу вас выдать мне в счет жалованья аванс“..

— Только ради ваших прекрасных глаз!

— Большое спасибо, господин главный врач. Благодарю вас.

Деньги получены. Можно идти.

Ветрено, вьюжно. Невидим почти

Город за снежной тучей.

Видно; стемнеет не позже пяти...

Ладно! Заглянет она по пути прямо на рынок толкучий.

Вот он базар. Он шумит как всегда. Боже мой, кто не
стремится туда...

Бабы и дамы, солдаты и господа все устремляются туда.

Давят друг друга, лезут вперед, чтоб протолкаться сквозь
узкий проход

Рыночных ветхих, скрипучих ворот к сердцу толчка, где
сцепился народ

В странный, смешной меховой хоровод...

Всякое тут предлагают добро: старые бальные платья,

Шубы, золото, серебро, средства против зачатья,

Свечи церковные, пух, перо, где-то краденый спирт, золотой—
за ведро, образа, портсигары, распятия,

Опиум, с маркою „Лопато“ читинские сигаретки...

Кто-то показывает из-под пальто подозрительные таблетки:

„Гидрохлоридум? Есть! Муриатикум? Есть! Вот сульфурикум!
Недорогое

Перуанское снадобье. Кофеин! Аспирин! Кокаин? Это дело
другое.

Это стоит... Ну, ну, молодой человек... Не найдете его ни в
одной из аптек—

Значит, если хотите — платите“.

Боже, чего только здесь нет!

Девушка, кутаясь в жакет, идет через рынок зябко.

И хором торговцы вопят ей вслед:

— Эй, налетай!

— Приобретай!

— Шубка!

— Шапка!

— Гаржет!

— Шляпка!

Было бы нужно и это и то. И шубка и шляпка такая. Но—
деньги!

— Мне нужно мужское пальто. Мне шапка нужна мужская.
— Значит для милого дружка!
Хамы! Уйти поскорей бы с толчка.
А если купить и себе и ему? Может быть денег хватит?
Не хватит.
— Я дамских вещей не возьму!

Вздыхая, она платит.

В щели меж ставен неяркий луч.
Все ли спокойно?
Он заперт на ключ, этот человек, приведенный в полночь.
Может быть дном вломилась в дом белая сволочь?
Может быть в доме все вверх дном?
Быть может засада там за окном?
Все может быть...

На морозе жгуч, входит в замочную скважину ключ.
Что бы то ни было, только—скорей!
Нет. Это он. Это он у дверей!
— Вот, я одежду вам принесла. Видите—узел. Едва донесла.
Это вам пригодится. Вот рукавицы. Пестры? Но зато
Крови на них не заметит никто, если сквозь бинт просочится.

... Прошлая ночь. Окровавленный снег. Полунагое тело.
Этот высокий человек, ушедший из-под расстрела..
Как его звать? Как его звать он и не скажет, конечно.
Ясно — об этом нужно молчать. Попросту нужно, как гостя..
встречать,

Следует чаем его угощать,
Нужно развлечь. Но с чего бы начать?

И она говорит беспечно:

— Что же! У каждого горе свое. Хоть не живи на свете..
Ох, и опротивело же мне офицерье. Знаете, в лазарете
Больше здоровых, чем больных.

— Хамят?

— До отбраценья. Только и дсла, что гонишь их из дежурного
помещенья.

Вот, был, знаете, случай с одним подлецом. Я ему все
рассказала:

„Что, — говорю, — устались вы? Выбросьте это из головы!
Вы, — говорю, — не шутите с лицом медицинского персонала.
Я, — говорю, — покажу еще вам, жоржик, герой из обоза!“

Гость, улыбаясь, прислушивается к словам этой девушки,
розовой от мороза.

... Ночью, вчера, зарываясь в снег, под обломки автомо-
биля,

Лишь об одном мечтал человек: только бы не доби́ли,
Только бы не замерзнуть во рву, не пристынуть ранами к
яме...

Думал он: неужели еще оживу? Обмороженными ногами
Неужели пойду? Доберусь ли в бреду до товарищей, до под-
полья?

Или где-нибудь в снег под забор упаду, побежденный озно-
бом и болью?

В этом городе—знал он наверняка—были члены Сибирского ЦК,
если только они уцелели—

Штаб восстанья есть где-то здесь. Но пока...

Далеко до своих и тюрьма далека... Забинтована шея и ноет
рука. На девичьей сидит он постели.

Он хотел увидеть Валентину, Петра, что в подполье скрыва-
ются где-то,

Но пока,—как бы мог он подумать вчера!—перед ним эта де-
вушка, эта сестра,

Да, сестра милосердия, простая сестра из бандитского лазарета.
Удивительно! Что побудило ее? Риск—немалый! Застенок.
Могила.

А добыла одежду, купила белье, адвокатскую шапку купила.
Только ли надоело офицерье?

И на девушку эту глядя в упор, он спросил:

— На работе давно ли?

— Я? Я кончала в шестнадцатом. Курсы сестер.

— Где учились?

— При фельдшерской школе. Я на западном фронте была.

После—в тыл.

Но война догнала и досюда.

Человек встал. Поблагодарил.

— Мне пора.

— Вы уходите? Хватит ли сил?

— Ничего. Вам бы не было худо.

Сознаете, наверно — все это для вас основательная угроза.

Так он сказал, не сводя глаз с этой девушки, все еще розовой
от мороза.

5

Все было сделано. Человек ушел перед рассветом.

За окнами падал снег. Но ей было душно, как летом.

Бросила кофточку на кровать, на жаркое одеяло.

Постели решила не открывать. Долго еще простояла возле
окна. И не было сна.

А в семь утра пошла, как всегда, на работу сестра.

И день был, как день в лазарете.

А в полдень на город взглянула она.

И вдруг поняла: ведь близко весна.

Но, боже, какая идет весна. В намокнувшей шубе, темна и
гневна, трубит:

„Приближаюсь! Встретьте!“

И, словно прощаясь с жестокой зимой,

Смеялась она, возвращаясь домой.

И дверь отворила скрипучим ключом, не думая ни о чем, —

Ни где он сидел, ни где он стоял.

Легла, не раздевшись, поверх одеял

И сразу, от мысли про близость весны, пришли, окружили
глубокие сны:

Июльские грозы с веселым дождем,

По небу играющий гром

И радуги мощные дуги.

И будто она на зеленом лугу

Поет и играет в девичьем кругу.

Далекого детства подруги!

И вдруг закричали:

— Мы после придем. Мы после придем, а пока мы уйдем!

Смотри: кто-то входит к вам в дом!

И входит он, в шлеме, оружием звеня,

Пришелец из мира иного.

„Я здесь! Это — ты? Ты узнала меня? Ты видишь — явился я
снова!“

РАССКАЗ ПРО МАСТЕРСТВО

1

Портные!
Из уютной полумглы,
Где испаренья сукон тяжелы,
Где прячутся в зеркальные углы
Безглавые подобья человечьи—
Встаете вы заказчику навстречу
Сурово, не терпя противоречья...
Меч сантиметра и копье иглы!

Ты беспощадна, диктатура мод!
Кто смеет не послушаться портного?
Скроив, не перекраивает снова,
Но шепчет властно:
— Это вам идет!
Не предлагая ничего иного,
Усмешкой гордой исказивши рот,
Недоуменно поднимая плечи,
Надменно, не терпя противоречья,
Он с вами говорит как бы с врагом:
— Фасон таков! Не может быть и речи
Сегодня о каком-нибудь другом!

Бывало, что сходили вы с ума,
О, мастера! И, со зловещим криком
Терзали ткани в упоеньи диком,
Чтоб лопнула бы с треском бахрома,
Чтоб спуталась узорная тесьма...
Кому ж вы мстили?
Сукнам безъязыким?
Вы попадали в желтые дома
И там фасон чудовищных кальсон
Обдумывали мрачно на досуге,
Скрестивши руки, как Наполеон...

Речь не о том...
Рассказ о старом друге
Я поведу.
Вы знаете кто он?

Тот юноша, о ком веду я речь,
 Был горбонос, губаст, широкоплеч
 И профессиональная сутулость
 Ему еще не выгнула спины,
 И вена на виске еще не вздулась...
 Но вы припомнить юношу должны.

На Думской он работал в мастерской.
 „Военный, статский, дамский и мужской“ —
 Так было обозначено над дверью
 Я сам читал те гордые слова...
 Теперь едва ли вывеска жива,
 Она тогда держалась лишь едва...

Вот где работал юный подмастерье.

Кто ж был хозяин?
 Мудрый Шхерозадов
 Вот кто владел тем модным ателье.
 Он поклонялся пожилой змее,
 Что кольцевалась там, в его жилье
 Над мастерской.

Браслеты и колье
 Одышливый и полный Шхерозадов
 Дарил змее, чтоб мир царил в семье.
 Во избежанье недовольных взглядов,
 Заботился о шелковом белье,
 О дырчатом ажуре ришелье...
 Он заводил ей множество нарядов.
 Змея порою извивалась так,
 Что лишь трещали шелковые шкурки
 На скользкой, но увесистой фигурке
 И трепетал одышливый толстяк,
 Хотя он был и вовсе не простак.
 ...Но возвратимся к юноше.
 Итак,
 Садился подмастерье на верстак,
 Поджавши ноги, как садятся турки.
 Пожалуй, я в сравнении этом прав, —
 Он был брюнет, имел он мрачный нрав, —
 Сидел он, ноги длинные поджав,
 На возвышении меж окном и печью.
 Подобен янычару, величав,
 Он не владел членораздельной речью.
 Заикой был он, бедный. Потому

В беседы, в споры вмешивался редко.
Завидовали многие ему,
Что он иглою ткани мечет метко.
Дразнили. Но к насмешкам он привык,—
Все эти анекдоты про зайк
Выслушивал порой не без улыбки.
Ну что ж поделаешь, когда язык
Пришит неважно, скроен по ошибке.

Но иногда зайка напевал
И, напевая, что-то рисовал
Иглою, мелом, или углем просто.
И сделал так, шутя, набросков до ста.
Но сделанное в клочья разорвал
И эти клочья в реку сбросил с моста.

3

И, если только память мне верна,
То этому толчок дала весна.
В вечерний час, когда плыла луна
Богиня силуэтов, колдовская,
В тот час была безлюдна мастерская,
Весь дом дремал. Царила тишина.
Была в покои дверь притворена,
Где чуть сопел, свою змею лаская,
А может быть уже в объятьях сна,
Сам Шхерозадов. Около окна
Томился подмастерье дотемна.
Но видит вдруг: за рукоять звонка
На покосившемся крыльце парадном
Берется чья то тонкая рука.
Заказчица пришла издалека?
Ну что ж! Не Шхерозадов взором жадным
Окинет вас, заказчица, сейчас.
Заказ приму быть может в первый раз!

Отпрянул подмастерье от окна.
Он живо очутился перед дверью.
Крюк громыхнул. И вот стоит она,
А перед ней, безмолвно, подмастерье.
Но до чего горька судьба зайк!
Уму не повинуется язык,
Недугом пораженный беспощадным.
Звенят сосульки на крыльце парадном,
Сквозь талый снег смеется лунный лик.

Заказчица подобная судьбе,
Не ты ль прекрасней всех картин и статуй!
Но, боже, что одето на тебе!
Какой гигроскопическою ватой
Подбили твой измятый ватерпруф?
Так он подумал, пристально взглянув.
Кто так одел? Какой портной проклятый?
И, этого портного проклянув,
На девушку взирает он с испугом.
„Не так, не так одеться бы тебе!“
Сказать бы так. Но силы нет в борьбе
С неизлечимым, тягостным недугом.
Он мучится. Нет выхода словам...

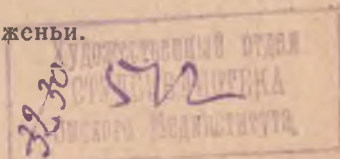
4

Вдруг появился Шхерозадов сам.
Еще струится по его усам
Змеиный яд. Он пахнет этим ядом.
Пытливым он окидывает взглядом
Заказчицу. Дивится чудесам,
Но лишь на миг. Все слабые места
Подметил он. „Святая простота,
В нарядах ты не смыслишь ни черта!—
Он думает—одета ты не модно.
С тобою можно сделать что угодно“.

Но вслух он говорит:
— Что вам угодно?
Прошу войти!
Пожалуйста, пожалуйста!

Тогда раздался голос, скорбен, тих:
— Послушайте! Была я у портних—
У Ниткиной, Иголкиной была я.
Теперь я потеряла веру в них.
Я говорю—насмешка это злая!
Весь заработок свой я отдала
Иголкиной и Ниткиной. Но обе
В какой-то странной, непонятной злобе,—
На весь ли мир или к моей особе,—
Все портят, все! И вот я к вам пришла!

Свое волнение превозмогла
Заказчица. Вот села у стола
И выкройки швыряет в раздраженье.
А Шхерозадов:

— Да! Плохи дела!
Действительно, вы в жутком положении.
Что говорить—в ужасном положении.
Что ж! Я смогу, пожалуй, вам помочь!
Да! Я смогу, пожалуй, вам помочь!
Костюмчик есть. На вас он сшит точь-в-точь!

Тут сделал он изящное движение—
Он до поклонов был весьма охочь—
И повторяя:
„Ладно! Так и быть!
Я уступлю вам... с небольшою скидкой!“
Пошел толстяк одышливый, но приткий
Из мастерской.
— Чего он хочет сбыть?—
Спросил себя тревожно подмастерье.
Недвижно он сидел на верстаке.
Он замер на высоком верстаке,
Он слышит шопот, слышит смех за дверью.

И вот—хозяин.
Держит он в руке
Шуршащий груз. Как тяжек он на вес!
Он змеевидно в воздухе повис.
Всех мрачных франтов—городских повес,
Всех сердцедок—страсти директрисс,
Очаровала б эта чешуя
Мерцающая, пахнущая адом.
— Костюмчик этот уступлю вам я.
А стоимость его, с доставкой на дом...

Зачем ты вышел, ловко пятясь задом,
О, Шхерозадов с дьявольским нарядом?
Не эту ль шкуру скинула змея?
Обноски змей, пропитанные ядом,
Ты хочешь сбыть!
Нет!
Помни обо мне!

Встал подмастерье.
Тихо, как во сне,
К заказчице подходит.
Произносит:
— Я вам. Сошью. Но не такой наряд!

— Постой, постой. Тебя никто не просит!
Сказал толстяк.—Тебе же говорят!

Сказал тебе: с тобой не говорят!
Решит сама. И денег зря не бросит.
А ты, любезный, отойди назад
И не мешай!

Завороженным взглядом
Глядит заказчица.

О, боже мой!
Неужто шкуру, крашеную ядом,
Обноски шхерозадихи самой,
Она возьмет?

И в этот тяжкий миг
Вдруг поднялся заика из заик,
Он засмеялся, он взмахнул руками
И, показав хозяину язык,
Схватил коробку с пестрыми мелками.
Мелок нащупав, острый, как кинжал,
Он, не случайно сходный с янычаром,
Безмолвно угрожая, подбежал
К печи голландской, что дышала жаром.
Ладонью на железо он налег.
Провел по граням выпуклым и черным
И поднял свой отточенный мелок..
И засверкало белое, на черном.

5

Вступил в борьбу он, чтобы победить.
Чтоб доказать, увлечь и убедить,—
Членораздельной не владея речью,—
Задумал он фигуру начертить —
Девичий стан от бедер до предплечья.
Лишь контуры наметить он хотел
Движением расчетливым, умелым,
Но белый мел так радостно хрустел,
Как будто стал одушевленным телом!

Тогда мелок схватил он голубой
И алые, и розовые тоже.
Глаза и губы—все само собой
Возникло вдруг.

Кто крикнул?
— Как похоже!
Ага! Залюбовалась ты собой!

— Хотите так?—промолвил он.
— Хочу!

По городу я бегаю ишу.
Чтоб кто-нибудь, когда-нибудь, хоть раз бы
Мой сокровенный выполнил заказ бы.
Вы можете. Задаток я плачу!

— Вы платите?—он крикнул чуть не плача.—
Вы платите? А сколько? И кому?

Но тут хозяин, руки раскаряча,
Шепнул: /
— Не беспокойся. Я назначу.
Я сколько надо, столько и возьму.

Тогда раздельно, внятно и любезно
Сказал заика:
— Ты еще не я.
Цыц, Шхерозадов!
Хитрость бесполезна.
Иди к чертям. Зовет тебя змея!

И следом за заказчицей он прыгнул,
Что из дверей метнулась в этот миг.
Не мудрено. Ей показался дик
Тот поединок...

Бледный лунный лик
Сиял сквозь снег...

6

Вы думаете сделался портным,
Закройщиком, чьи руки очень ловки,
Тот юноша?

Нет! Встретитесь вы с ним
В совсем иной реальной обстановке.

Он платье сшил и даже не одно
Своей весне, заказчице, невесте.
И в новый мир пришел он с нею вместе.
Все это верно, это правда, но...
Но главное, сказал бы я, не в том!

Ведя учет талантов и ничтожеств,
Того заика встретил я потом
Под сенью Академии Художеств.
Стал знаменит заика-чародей,
Не подмастерье—мастер вдохновенный.

Вы видите порывистых людей,
Все заново творящих во вселенной!
А тот кто нерешителен, уклончив,
Тот, знайте, не добьется ничего.
На этом и простимся мы, закончив
Еще один рассказ про мастерство.

ВОЛШЕБНЫЕ САДЫ

I

Тот город возник на далекой поляне
В тех самых краях, где когда-то древляне —
Язычники предки — венчались венцами,
Венчались венцами, любили сердцами.

Исчезли древляне. Их дикою славой
Гордится ли город?

...Собор златоглавый,
Торговые бани, тюрьма за заставой...

И вот молодой человек худощавый
Является в город. Учителем в школе
Служить он приехал. По собственной воле.

Ему говорили:

— Вы город уездный
Покиньте! Вдали от дороги железной
Схороните молодость точно в могиле!
Так все сослуживцы ему говорили.
Но новый учитель сказал:

— Не случайно

Сюда я приехал.

— И это не тайна — зачем вы явились?

— Нисколько не тайна — мне климат здесь нравится
чрезвычайно.

*

Устроено было за ним наблюденье.
И вот, изучивши его поведенье,
Заметили люди: он любит растенья,
Его привлекает листвы шелестенье.
А в городе зелени было не мало.
Сказать надо прямо — деревьев хватало!
Пахучие липы, плакучие ивы,
Столетние дубы — весьма горделивы,
Березы... И эти росли не напрасно
На улицах тихих, во двориках тесных.
Их ветви в руках горожанок прелестных...

Но, впрочем, вы знаете сами прекрасно —
Не будем порочить созданий небесных!
Учитель же к детям испытывал жалость,—
Он лишь выговаривал самую малость
За резвость, за дерзость, за шумную шалость.
И даже случилось, что школ попечитель
Заметил однажды, что новый учитель
С ребятами здесь церемонится слишком
И это, пожалуй, во вред ребятишкам.
„У нас, — он сказал, — есть лоза, есть березки.
И пусть не забудут об этом подростки.“
Учитель ответил:—Растений отростки
Совсем не затем, чтоб вопили подростки.
Они не пособия в деле ученья!
Имеют растенья иное значенье!
— Какое ж?
— А это увидите скоро,—
Учитель сказал, уклонившись от спора,
— Найдем примененье им вовсе иное.
И в этом прошу убедиться весною!

Смотрел на деревья он как-то особо.
„То наши друзья с колыбели до гроба.
От люльки друзья, чье качанье нам любо
В слове тепле пятистенного сруба,
До гроба, что ждет нас, сколоченный грубо!
Венцы, на которые ставится зданье...
Венки на гуляньях и веники в бане...
Кресты, что стоят на глухих перекрестках...
Зеленая плесень осела на досках...
Язычник из дерева идола тешет,
Коньком деревянным дитя себя тешит.
Повсюду ты, дерево! В дружбе ты с нами.
Ты, нас согревая, бросаешься в пламя.
Ты нас одаряешь своими плодами.
Но разве гордимся мы только садами
И разве гордимся мы только лесами?
О, люди, об этом вы знаете сами:
В хрустальные вазы поставлены розы,
Но слышите свист — это дикие лозы
В руках у жестокости свищут зловеще.
Все это весьма непохожие вещи“.

*

Так мыслил он, выйдя порой прогуляться.
Он видел: вершины дерев шевелятся,

Мечтал, наслаждаясь древесною тенью,
Но все понимал ли, что шепчут растенья?
Они ж говорили:
„Он должен бояться,
Что люди, поняв его, станут смеяться.
Ведь слишком он ласков и с ними, и с нами,
Юнец, одержимый волшебными снами“.
Шептали деревья:
„Мы это оценим!
Ты с нами хорош! Мы тебе не изменим,
Мы примем тебя в хоровод шелестящий,
О, ты, на деревья с любовью глядящий!“
Так пели деревья, вершины вздымая,
Желанья и мысли его понимая,
Так пели деревья, ветвями качая,
О чем-то еще рассказать обещаю...

2

Весна наступила. Назьмы подопрели,
Что густо лежали везде на окраине.
И, как бриллианты, на солнце горели
Осколки бутылок.

...Однажды в апреле

Учитель показывать начал на деле
Искусство свое. Не держал его в тайне.

— Он курс садоводства в Франкфурте - на - Майне
Окончил с отличием! — шептались соседи, —
Он сам признавался однажды в беседе!
Бывал он в Козлове, где некий Мичурин,
Седой садовод молчалив и нахмурен —
Лелеет свой сад. С академией в ссоре,
Непризнав учеными, мыкает горе.
Чего - то добьется наш юный учитель?

*

На сад посмотреть заглянул попечитель
Учебного округа.

— Очень красивы

И яблони эти, и груши, и сливы,
Но климат суров! Не останутся живы!
Врачи, адвокаты в саду побывали,
Об этом же самом они толковали
Любезно весьма.

...А тем временем почки

На саженцах взбухли. Соседские дочки
Гуляли поблизости. Пели соседки:
— Какие деревьица! Что за цветочки!
Вот мирный сосед! Да и мы домоседки.
Нам замуж бы выйти, да вырастить детку,
Да в ручки бы взять бы хорошую ветку.
Проснитесь, сосед! Пригласите в беседку!
Но так ни одну он не выбрал соседку.

На сад же немало потратил усилий.
Особенно много он посадил лилий.
Казалось — хоть тысячу ведер ты вылей —
Все ж почва для этих цветов не годится.
Соседки тут начали даже сердиться:
„У нас не родится, а он, вот, гордится!“
Сердась, что подобных цветов не имели,
Пошли и об этом сказали Емеле.

*

Емелею звали того агронома,
Который в уезде добрал от безделья.
Он, малого роста, похож был на гнома,
Но врал: „Мне министром бы быть земледелья!“
Его земледельцы и звали „Емеля“.
Прозвали его земледельцы Емеля,
А многие старые агрономы,
Хоть были с Емелей прекрасно знакомы,
Но дел никаких никогда не имели,
Поскольку Емеля был жаден, завистлив,
И дружбу с исправником вел он к чему-то,
И, всех поименно коллег перечислив,
Кричал, что они любят сеять лишь смуту.
Был склонен к поступкам не слишком красивым.

Приехал Емеля на мерине сивом.
Взглянул он на розы, принюхался к сливам,
Медлительной поступью в сад он заходит,
Довольно презрительно носом поводит.
— Скажите, пожалуйста, что здесь у вас происходит?
Вы, кажется, делаете открытия?
Смеется ботаник. Глядят друг на друга.
— Умеренный климат хочу убедить я,
Чтоб был бы он ласков к растениям юга.
— Утопия! Это я издавна слышу.
Ваш сад целиком под стеклянную крышу
Уместно бы взять. Что хотите добиться?

Заморским плодам на Руси не родиться!
Поверьте, коллега. В житейскую прозу
Пора окунуться, отбросив мечтанья.
Вот я культивирую нашу березу...
Но, нет! Ничего не скажу я заранее!
А цели добьюсь. Ожидает меня правительственная награда!
И, свистнув нахально, он вышел из сада.

3

Тонет домик в зелени винограда,
Сдержанный шопот доносится из палисада, —
Будто бы листва беседует с птицами:
— Свищут шимозы над дальневосточными границами...
— Столица переполнена самыми отвратительными блудницами...
— В Галиции задержаны неизвестные лица, объявившие себя
Богдана Хмельницкого прямыми потомками...
Нет. Это не листья, это люди беседуют голосами негром-
кими.

Начинается лето.

Тревожное лето.

Что это? Выстрел из пистолета!

Мастеровые устроили стачку!

Хозяина садят в нечистую тачку

И в этой нечистой грохочущей тачке

На свалку везут...

... Весь город в горячке.

И к ноздреватым доскам заборным,

К столбам телеграфным унылым и черным,

К фасаду общественного собранья

Однажды приклеены были воззванья.

Раз ночью явился к учителю странник,

Он стукнул в окошко:

— Откройте, ботаник!

Учитель открыл:

— Это вы?

-- Угадали!

— Какими судьбами?

— Мне адрес ваш дали.

И было вечернее чаепитье,

Беседа про внутренние события,

Задумчивый спор о политике внешней...

Ботаник, попотчевав гостя черешней, сказал:

— Урожая высокого жду я.

А гость отвечает, на блюдечко дую, чтоб чай остудить:
— Вы, над флорой колдуя,
Прелестно живете. Блаженство сплошное.
Я ж прибыл устраивать дело иное:
Здесь в замке тюремном за крепкой стеною
Товарищ сидит. Ждет беды неминучей.
Едва ли избегнет сибирской он ссылки
И, если теперь не представится случай
Ему переправить особые пилки,
Которыми он распилил бы решетку,
То, видимо, он попадет на Чукотку.

*

Спит гость. И нерадостный сон ему снится,
Но глаз не смыкает хозяин. Не спится.
Стоит у окошка.
— Оружие прятал.
Воззвания недавно я сам отпечатал
Тайком, на гектографе, вечером в школе.
Но как человека спасти от неволи?
Спасти человека?

...Деревья шумели

Как будто бы связно сказать не умели
И речь их никак не могла быть понятна.
И лунного света бессвязные пятна
Плясали по тесаному палисаду.
Подумал ботаник: под деревом сяду,
В саду я побуду...
Он сел. Он курил. Размышлял до рассвета,
Но даже рассвет не приносит ответа,
Хотя и прекрасны цветы на рассвете.
И он спросил:
— Золотые, ответьте,
Что делать, как быть, чем помочь в трудном деле?
И видит он вдруг: на него поглядели цветы величаво.
Смеются лукаво.
Глядят величаво, смеются лукаво.
— Ну, как догадаться не можешь ты, право!

— О, белые лилии, честь вам и слава! — подумал
ботаник. И будит он гостя.
— Вставайте живее! Уныние бросьте.
Мою вы разделите сразу веселость:
У лилий имеется мощная полость
Там, в стебле растенья... Мне, стан свой колебля,
Поведала лилия: спрячется в стебле

Острейшая пила. Учтем ее гибкость,
Учтем мы и сока лилейного липкость.
Да, да! Подозренья возникнут едва ли!

Смеялись цветы. Головами кивали.
Промолвил ботаник:
— Поправим мы горе!
Ищите невесту, которая вскоре
Должна появиться в тюремной конторе!

Все вышло как нужно...
Из Питера прямо
Приехала юная бледная дама.
Рыдала, чаруя тюремную стражу.

Подумал начальник: „Усы припомажу,
Морщины разглажу, лицом не ударю
Я в грязь перед ней!“ Самому государю
Подобен он стал, коль судить по портретам.
Так все говорили. И знал он об этом.
И, очень гордясь поразительным сходством,
Он на подчиненных взглянул с превосходством,
Надел еще две золотые медали,
Которых на нем никогда не видали.
„Медали! Их мне за турецкую дали—
Одну после Плевны, другую—за Шипку!“

Так принял он даму. И, пряча улыбку,
Он ей пробубнил:

—Заблужденья! Ошибки!
Да что ж! Молодежь! Не бывала на Шипке!
Принять передачу? Любые продукты!
Колбасы, пирожное, торты и фрукты.
Цветы? Ах, пожалуйста, сколько угодно!

*

...Пилила решетку пила превосходно.
И в полночь, когда часовые на смену
Во мраке пошли, на тюремную стену
Влез цепкий. Он был леопардовой кошке
Подобен в тот час. Нет решетки в окошке.
И ринулись в сумрак горячие кони.

Так был он спасен. Он ушел от погони.

*

Шел шопот по городу: „Сделано чисто!“
Клялась казначейша: „Он граф Монте-Кристо!“
И зря полицейские с целью ареста
Вломились в гостиницу—скрылась невеста!
Но власти не бросили, все же, дознанья.
Обследовав трижды тюремное зданье,
Толпою начальство идет на задворки,
Где садик насажен из хилых березок.
Их ветви ломал, если нужно для порки
Тюремный палач. Ту плантацию розог
По воле начальства, келейно, негласно,
Лелеял Емеля. Он, любящий страстно
Природу, потратил досуга немало,
Чтоб вырастить сад за тюремной стеною.
Надежная стража тот сад охраняла
И, в клетку посажен, рыдал там весною
Худой соловей.

Утром после побега

Емеля работал в саду, как обычно.

Явилось начальство:

— Вы здесь? Вот отлично!

Всегда на посту вы, почтенный коллега!

Вы знаете, ночью бежал заключенный.

— Сеченый?

— О, нет! Никакой не сеченый.

Нам нужен теперь консультант при дознаньи,

Огромны в ботанике ваши познанья,

А там, в каземате, растоптаны листья

Каких-то растений.

— Ах, вот как!

Корыстью

И честолюбивой мечтой обуянный,

Подумал Емеля:

„Вот час долгожданный! Час славы!“

— Идемте!

...Во мгле каземата

Цветами и тленом разит сладковато.

Понюхал Емеля.

— Э! Лилии! Знаю!

В саду у ботаника, как вспоминаю,

Растет их немало!

*

Ночь. Около сада

И около дома засела засада.

Увы, не умею писать биографий.
 Я больше всего не люблю фотографий—
 Их плоская, мнимая точность страшна мне.
 Мне ближе литограф, что режет на камне
 И, сладко задумавшись, вымысел вносит
 Туда, где об этом никто и не просит.
 В храм истины домысел смело стучится.
 Чего не случилось могло бы случиться.
 И часто быть может я здесь увлекаюсь,
 От истины точной слегка отвлекаюсь,
 Но в главном я прав! Я ручаюсь!

*

Я был в том саду за угрюмым Уралом.
 Уже с октября меховым покрывалом
 Зима прикрывает тот сад благосклонно.
 Деревья не прямо стоят, а наклонно
 В том дивном саду! И, как алая пена
 Идущего с юга на север прибоя,
 Шумят там цветы. И, в плодах по колено,
 Стояли мы осенью вместе с тобою!
 Мы видели яблоню. Нежилась лежа,
 На спящую деву из сказки похожа,
 Сквозь землю глядя затуманенным взглядом
 В волшебном саду.

Любовались мы садом.

Мы встретили мудрого садовода,
 С которым дружна молодая природа.
 Жив этот ботаник. Он сделался старше
 И стали шаги у него тяжелее.
 Я вижу: идя по широкой аллее,
 Внушает он что-то своей секретарше.
 Но вот отпустил эту девушку в майке,
 Остался один на зеленой лужайке.
 — Как ваше здоровье,—спросил он,—деревья?

Он сел на скамью.

„Отдохну-ка я малость“.

Быть может его одолела усталость,—
 Большую он нынче проделал работу,—
 Быть может на миг погрузился в дремоту,
 Но слышит: в листе пресмыкается кто-то.
 Там что-то случилось. Листвы шелестенье,
 И ропот, и шопот...

Какое смятенье,
Тревога о чем обуяла растенья?

Республики знамя алеет над садом,
Проходят трамваи с оградой рядом,
Гудят за оградой автомобили,
Но что-то случилось... Быть может срубили
Какое-то деревце по ошибке?

Какие-то мухи, вонючи и липки,
На яблоню тайно напали быть может?
Шевелятся листья. Их что-то тревожит.
Вниманье!

Очки замелькали по саду.

Какие-то гномики!

Через ограду

Все лезут и лезут, глумясь на рассвете.

— Эй, кто вы такие? Откуда? Ответьте!

Их темные личики странно знакомы.

О, господи! Это ж они. Агро-гномы!

Молчат агро-гномы. Толпой у березок

Они суетятся. Все прутья ломают.

Но вот побежали со связками розог.

Нарезали розог! Кому угрожают?

— Вот мы сейчас высечем эту бесстыдную яблоню, что
развалилась на траве, как на ложе!

— Разве это прилично произрастать лежа?

— Она уподобилась важной даме! Гордится своими
необыкновенными плодами!

— Для жителей здешних довольно картошки!

— Пусть прочее растут в горшках на окошке!

— Ах, это печально!

— Ах, это скандально!

— Деревья должны возрастать вертикально,

А лежа на ложе расти неприлично!

— И это к тому же не эстетично!

Вскричал садовод:

— Ба! Я знаю вас лично!

Вы, темные гномы, потомство Емели!

Но как на земле уцелеть вы сумели?

Емеля погиб. Над могилой Емели

Одни лопухи в эти годы шумели

На старом погосте.

Зачем же грозитесь?

Эй, бросьте!

Вы—то, что родится из пыли и гнили,

ИСПОВЕДЬ ЕЛТОНА

Elton's confession.

1

С Востока, из языческой земли
Послы однажды возвращались наши.
В числе подарков голову везли
От персиян полученную в Ряше.

Чья голова? Нисколько не похож
Обличьем он был на азиатца
Покойник этот, рыж и белокож..
Казалось, что в глазах еще таятся
Остатки жизни, ибо иногда
Ресницы беспокойные дрожали
От горя, а быть может от стыда...

Вот Астрахань, базарами горда,
Послов встречает. Люди набежали.
Дивились много. Спорили: рыжа ли
Или красна от крови борода;
Откудова такая голова;
Не усыхает ли, не надколелась?

Вдруг из толпы раздался некий голос:
— А голова-то все-таки жива!
Внимайте, братья, то не санный полоз
Скрипит о снег. Нет! Слышу я слова!
Ты не моргай, головушка, не плачь!
Я речь твою, кадавра, понял сразу,
Понеже я испытанный толмач
И бывший дьяк посольского приказа!
Что ж, рыжий пес, попал ты все ж в беду!
Но как ты оказался в Исфагани?
Вам исповедь его переведу
Я, господа честные горожане!

2

Внимайте, люди! Мертвым языком
Лизнувши губы, что облипли дрянью,

Чихнувши трижды золотым песком,
Тако мертвец дает нам показанье:
Елтоном сей зовется капитан.
Иван Елтон, сынишка Альбионов,
Не признавал он божеских законов,
На хитрость только брал, да на обман.
При шпаге, в брыжжах, в пышных кружевах
Елтон резвился на морском просторе.
Тропические видывал он зори,
Бывал он на волшебных островах.
Но вот, ему наскучил, видно, юг.
Он к нам явился. Висли клочья вьюг
На парусах от стужи розоватых..
Что? Хочешь сам рассказывать ты, друг?
Рассказывай про кормчих бородатых!

3

И показалось слушателям вдруг,
Что, напрягаясь от ужасных мук,
Протяжно, не по-русски и уныло
Сама тут голова заговорила:
— Да! Помню я холщевые ветрила
И море то студеное вокруг.
И сам не знал я, где я нахожусь,
Назвать я точно место не берусь,
Но говорю: в багровых ризах ночи
Там улыбалась северная Русь,
Ведя навстречу струги те и кочи.
Кто улыбаться мог невинней, кротче?

Я алчен был. Я в этом сознаюсь!
Сокровища манили нас всегда.
Но, став борт к борту с этими судами,
Тех моряков с большими бородами
Я не обидел. Эти господа
Меня поили сладкими медами,
А я стремился к их прекрасной даме
В Архангелгород я попал тогда..

...А Делявиль остался в Амстердаме.
В Голландии сей туповатый меч,
Морскую сволочь собирая в банды,
Мечтал итти Архангелгород жечь,
Торговлю с Русью вздумал он пресечь,
Но не спросил: допустят ли голланды.
Не допустили этого голланды

И получился только праздный шум.
Морскую сволочь не собрал он в банды,
Каков пустяк пришел ему на ум!
Судите: не ребячься ль это блажь—
Пиратство проповедывать открыто?
Остался с носом он, соперник наш.

Я ж действовал умно и деловито.
Я так сказал: „Ученый я солдат,
Я кавалер, отменно благороден.
Богатство унаследовал мой брат,
Богат мой брат, а я не столь богат,
А коли так: и две, и больше родин
Иметь мне можно. Я служить вам рад!“
Так я сказал. „Поймите, я свободен!“

И все дала Москва мне, что хочу—
Меха имел я, бархат и парчу
И государь осведомлялся тоже:
Уютно ли наемному мечу
Лежать в ножнах из мягкой русской кожи?
О! Не с Овдотьей спал я на печи,
Но с Евдоксией на высоком ложе!

Но жадны мы, наемные мечи—
Решил я плату взять еще дороже!

Тут тень прошла по страшному лицу,
Загробная надвинулась усталость,
Но весь народ склонился к мертвецу:
„Эй, голова! Рассказывай, что случилось?“
И вздох раздался, тягостный, как стон:

„Из Астрахани морем я, Елтон,
Бежал с московской службы к персиянам
И гостем там я не был нежеланным,—
Дворцовой стражи стал бы капитаном
И был бы щедро шахом награжден,
Дворец бы я имел за Тегераном,
И лошадей имел бы я, и жен,
Но как мы ошибаемся порой!

— Ты, Азия, лицо свое открой,
Завешанное тяжкою чадрой!
Я флибустьер и многих битв герой

Тебя хочу именовать сестрою!—
Так я воззвал:—О, Азия, поверь!
Я лишь тебя хочу, востока дочь!

И вот востока отворилась дверь,
Я все увидел острым, зорким глазом.
Смотреть мне стало некогда теперь
Гафизову гробницу под Ширазом
И не внимал я сказочным рассказам...
— Залив Персидский ты поди измерь,—
Сказал себе я,—сведенья проверь—
Есть жемчуг там, доступный водолазам?
И тотчас снаряжаю караван
Спешу на юг, туда, на океан,
К Бахрейну, под тропическое солнце.

Но чей корабль, тем солнцем осиян,
Стоит в заливе? Старого знаконца
Я Делявиля вижу. Меркни солнце!
Зачем он здесь, негодный капитан?

Я Делявиля вижу черный ус,
Я слышу смех бродяги Делявиля:
„Покинул Русь? Щей, кваса понял вкус?
Здесь жемчуг мы тем временем ловили.
Ну, так и быть, с тобою поделюсь!“

Вот он про что со мной заводит речь.
Авантюрьер, вотще скликал он в банды
Морских плутов Архангелгород жечь!
Торговлю с Русью вздумал он пресечь,—
Не допустили этого голланды...

Он говорит: „Возьми жемчужин часть,
Каких добыл я в этом океане,
В Архангелгород мне уж не попасть,
Но помоги на Астрахань напасть!
Возьму реванш—я говорю заранее—
Когда не помешают персияне.
Ты должен сделать так, чтоб в Исфагани
Нам высшая содействовала власть!“

5

„Вы слышите? Хотел напасть на нас!—
Промолвил дьяк.—Вот заварили дело!
Ну, мы, кадавр, твой слушаем рассказ!
Так продолжай же, голова без тела!“

— Жемчужины! Вы радуете глаз!
Но трудно взять вас! Крепкий парень нужен,
Чтоб мог нырять на поиски жемчужин.
Увы! Живет недолго водолаз—
Я знаю, нанимал их много раз—
Бессилен он становится, недужен.
„Ныряй, ныряй“—даешь ему приказ,—
Дрожит он, кровью харкает, простужен...
О, жемчуг! Делявиль сказал: „Делюсь!“
И я сказал: „Помочь тебе берусь!
Откроем путь, чтоб вольно плавать было
С Архангельска до Астрахани. Бьюсь
Я об заклад, что снеговая Русь
Не устоит, когда ударит с тыла!

6

Вот к шаху мы привозим жемчуга.
Я говорю: „Я верный ваш слуга!
Мы жемчуг вам в подарок наловили.
Но, государь, внимайте Делявилю.
О кознях хитроумного врага
Он предуведомление теперь
Вам будет делать. Так внимайте ухом,
Сей Делявиль прислушивался к слухам.
К тому ж он острым обладает нюхом:
Весьма космат на севере есть зверь,
Зверь с крепким зубом, с ненасытным брюхом!“

„Московитяне двинутся на вас,—
Сказал гасконец.—Исфагань, Шираз,
Бахрейнски острова на океане—
Все захватить хотят московитяне.
К войне они готовятся сейчас!
На Волге все большие города
Теперь полны солдатом и матросов.
Везут на юг военные суда
Усатых, волосатых эскимосов
И самоедов. Эти племена
К жаре привычны, люты, кровожадны.
О, добрый шах! Готовится война!
Они придут и будут беспощадны.
Они придут, таранами дробить
Лоб этих скал, который желт и глянец,
Они придут, чтоб саблями косить
Мечтательные головы иранцев.
Пообещавши Азию венчать

Венцом цветов, гирляндами колосьев,
Они придут шелка ее срывать,
Взамен шелков ей старый лапоть бросив!“

„Я с интересом выслушал рассказ,—
Ответил шах, пересыпая жемчуг,—
Который час? Закат уже погас.
О! Отдохнуть вам надобно сейчас!

И царедворцы проводили нас
В отменно тихий маленький гаремчик.
И некий тут является кавас—
Чиновник сиречь. И, потупив очи,
Он молвит так: „Услышав вашу речь,
Великий шах изволил так изречь—
До сплетен очень женщины охочи,
Так можете вы с женщинами лечь
И сказки им рассказывать до ночи.
Вам евнухи укажут дале путь,—
Добавил он,—любите, пейте, ешьте
И можете спокойно отдохнуть“...

7

Лукавый шах! Ну, ладно! Будь что будь!
На Каспий мы пустились снова в путь.
Так с Делявилем оказались в Реште.

„Найдем людей мы сами без тебя,
Лукавый шах! Тебя совсем не спросим!
За душегрей славянку беребя,
Мы и тебя попутно с трона сбросим!“—
Так думал я, блуждая меж шатров.
„Зовите мне начальника воров!“

„Зовите мне начальника воров!
Немедленно! Нужна его порука!
Кому не страшна с родиной разлука
И кто пограбить Астрахань готов,
Ко мне, ко мне!

Но нет! Никто—ни звука
В ответ на зов. Вот странно! Что за штука?
Тут вышел однорукий.
— Будь здоров!—
Сказал он мне—Я есть король воров!
— Ты однорук?

— А как же? Однорука
Вся наша сволочь! Тут закон суров,—
Он говорит,—страшна вора́м наука.
Так в Персии казня́т за воровство
Не посадили если прямо на кол!

Взглянув на однорукого того,
От жалости я мало что не плакал.
Подумал я: „Но с кем пойду на Русь?“

И тут от шаха, вижу я, посыльный.
Меня он ищет. Верить я боюсь.
Ах, эта помощь будет боле сильной!
— Шах понял нас? В поход я соберусь?
— Да, да!—сказал он.—Я помочь берусь!
И поднял меч своей рукою сильной.

Он поднял меч и покатилась с плеч
Глава моя на жаркий берег моря.
И кровь еще не перестала течь
Из головы, а он уж держит речь:
„Вас, жители, избавил я от горя—
Разбойникам я не дал вас увлечь!
Нам жить с Москвой совсем не надо в споре!
Гораздо лучше дружбу с ней беречь!
И,—как Москве премногие коварства
Отсюда показывал Елтон,—
В московское пускай вернется царство!“

...Груб снежный хруст, глух колокольный звон...
Увы! Я это слышу наяву!
Ах, лучше б это сном бы только было!
Куда везут? Наверное в Москву.
О, лучше б вовсе снегом залепило
Мои глаза.. Но долгие часы
Я мертвым оком в небо голубое
Гляжу и ветер треплет за усы.

О, Русь! Я снова встретился с тобою!
Я изменил тебе, что приняла
В мехах снегов, в багровых ризах ночи.
Ты даже на меня не подняла
Холодные, презрительные очи!
Я слышу—глухо бьют колокола.

Нет, нет! Ты улыбаешься едва.
Елтон, мол, возвратился издалека.

О, мертвая, пустая голова,
Где тулово? Гниет в песках востока!

8

Молчал народ. Молчали и послы,
Что голову везли с собой в столицу.
В вечерний час среди морозной мглы
Дев астраханских розовели лица.
И двинулся посольский тут обоз
И на Москву тут выбран путь был ближний,
И что ни ночь, то крепче был мороз,
И голова была все неподвижней.

СКАЗКА ОБ АТАМАНЕ ВАСИЛИИ ТЮМЕНЦЕ

1

Дело было в остроге царском, в старой Таре, в урмане
татарском.

На острог с далекого моря налетали талые бури.

Воевода в сосновой башне возлежал на медвежьей шкуре
возле печи.

Вот они и весенние бури, грозового лета предтечи!

Будет год урожайный в Сибири, коль прилежно возделаем
пашни...

Но — соседи! Ох, горюшко, горе, трудно жить с ними в мире!

Призадумался воевода, в печь подбросил еще поленце.

— Горе!

Кто там стоит у входа?

Атамана он видит, Тюменца.

— Вася, Вася! Садись-ка рядом! Угощу тебя, Вася, медом.

Где ты был?

— Я ходил с отрядом в степь, туда, к ясашным народам.

— Как татары?

— Плачут татары. Нет, мол, помощи им из Тары!

Из-за гор приходят зюнгоры, мечут стрелы через заборы.

Осмелели они, проказя. Не пора ль обуздать зюнгоров?

Я б Мечтана, ихнего князя, высек плетью без разговоров!

Но сказал воевода:

— Рано! Плеть ему еще не готова. Что слышал про
Алтына - хана?

— Про кого?

— Про царя Золотого.

. . . Долго в башне сидел Василий, слушал старого воеводу.

Казачата им подносили чаши доброго крепкого меду.

Оба воина мед попивали, о делах они толковали

И, хотя решать не спешили, все решили.

2

Вот домой приходит Тюменец.

Тут навстречу — из темных сенец — атаманша налетела.

— Ты зачем бежишь неодета? Простудиться захотела?
Слышишь, это тебе не лето!

А она:

— Где ж ты был до рассвета? По ночам какая работа!

— Замолчи! Не твоя забота.

Лег Василий с женой на полати начинает он с ней беседу:

— Я к царю Золотому поеду!

А жена:

— Зачем? Воевати?

— Вовсе даже не воевати, а о важных делах толковати!

Мы поедем к нему послами.

— Напросился вот и послали, — атаманша сказала с грустью. — Вот какой человек ты вздорный!

Лучше б шел за омское устье, на Ямыш, за солью озерной!
Что мне золото? Бедны мы что ли? Мне не золото надо, а соли!

Знаешь сам — не хватает соли. Золотник остался — не боле!

3

Соли впрямь тогда не хватало. В Таре мало, в Тобольске не стало,

Дорога была и в Тюмени. Привозили из-за Урала.

И недаром жена возроптала: — нечем щипосолить, пельмени.

И вдвойне казалось досадно — ведь поблизости соль самосадна.

Под рукой она, в Прииртышьи... Хороши озера Ямышьи,

Но проказливые зюнгоры, из-за гор придя на озера, соли
взять не дают ни горстки.

„Наши стали озера, зюнгорски!“

— Время ль ездить к царю Золотому, — говорит жена
атаману, —

На восток, далеко от дому ты уйдешь — где ж я соли достану?

Ты бы шел в зюнгорские степи, заковал бы Мечтана в цепи,

Да привез заодно-бы оттуда мне-бы соли хотя бы с полпуда!

Но ответил жене Василий:

— Ах, ты, дура! Тебя не спросили, что нам делать, куда
ходити!

Вы, бабенки, смирно сидите! Ваше дело ребят родити!

4

Это все не сказки, а были!

Вы, о, люди, что землю пахали, лес рубили и зверя били,

О посольстве вы этом слышали?

Вы слышали, да позабыли!

Вот готов атаман к походу. Толмача ему дал воевода.

Тот толмач, татарин ученый, звался Лунка Новокрещеный.
Был из тех он татар в Сибири, жить с Россией которые в
мире
При Кучуме еще решили. И, Кучума когда порешили,
Тех татар за старую дружбу сам Ермак пригласил на службу.

Было семь казаков в посольстве. Все нарядные, в шубах
богатых.
Мол, живем на Руси в довольстве. Не в отрепьях, мол, не в
заплатах!
Был у нас, мол, Отрепьев Гришка, всех хотел на Руси
облохматить,
Да не вышло! Пришла ему крышка! Позабавился дерзкий!
Хватит!

Так послы отправились эти после провод с веселого пира
Снежным утром на рассвете в год семь тысяч сто двадцать
третий от сотворения мира.

5

Шли они на восток по дороге меж болот, через черни и гари,
Где стоят деревянные боги неизвестные в городе Таре.
Как-то раз посреди урмана повстречали они шамана.
Обратился шаман к атаману:
— Дай сгадаю тебе без обману!
— Ну, шамань! — говорит Василий,

В бубен бьет, аж вспотел от усилий, сей шаман, призывая
духа.

Завывает он дико и глухо.
Завертелся вдруг, закрутился —
Ровно в колоб какой превратился.
Издает угрожающе крики.

Оробев, тут взялись за пики
Казаки.

— Он чего шаманит?

— Ну-ка, Лунка, переведи нам! Что кричит?

— А все о едином — „Атамана, мол, женка обманет!“

„Дома надо, — кричит, — сидети, да за женкой своей глядети!“

Мол, кругом там боярские дети искушают ее на свободе,

Потому что Василий в походе!

Мангазейский Тухач-воевода, мол, привез ей боченог меда,

А она, мол, тому и рада!

Обуяла Василья досада.

— Это все, — говорит он, — враки! Десять лет я в законном браке

Проживаю с любезной женкой. Все боярские дети сторонкой
Наш еловый обходят терем. Что Тухач нас обманет—не верим!
Пригрозил он шаману плеткой, крикнул: „Ладно! Сгадали!
Трогай!“ И поехал своей дорогой,

Той дорогой не короткой, той неезженою тропкою,
Где зверье не идет к водопою,
Где немирные азиатцы
За стволами дерев таятся,
Где кустарники свищут, колючи...

Долго едут.

Вдруг—тучи не тучи, а далекие темные кручи..
Теплый ветер дохнул навстречу,
Будто угли наполнили, жгучи, в ржавых скалах сокрытые печи.
— Тут восточный рубеж! Недалече!—говорит атаман
с казаками—

Ну, ребята, вперед! За Камень!
И сошли с перевала крутого во владенья царя Золотого.

6

Тут, где царь Золотой кочует, видно, вовсе зимы не бывает.
Ветер дует, словно колдует, в глубину долин зазывает,
сладкий запах цветов навевает...
От Сибири до стен Китая расстилается степь золотая—
Золотого царя Алтына.

Не безлюдно тут, не пустынно.

Вот и всадники мчатся навстречу.

К ним толмач обращается с речью:

— Эй, охотники с соколами, вы, могучая стража царева!

Мы к царю Золотому послами!

Страж царев отвечает:

— Здорово!

— Принимайте нас по-посольски!—так толмач говорит
по-могольски.

Внемлют люди царя Золотого, понимают каждое слово.

Поклонились они атаману.

— Ты, посол к Золотому хану, не показывай лист бумажный.
Видим так—господин ты важный!

7

Ветер веет, солнышко греет, под папахой затылок прееет,
шуба давит на потные плечи...

— Ну, заехали мы далече! Не Сибирь! Сторона иная.

— Посмотри: изба полстяная. Пикой ткнуть и насквозь
проткнется!

— Хорошо ли в таких живется?—казаки атамана спросили.
— Как кому!—отвечает Василий.
Вот навстречу спешат моголы, кто в шелках, а кто полуголы.
Кто живет хорошо, кто—худо. Впрочем, так оно и повсюду!

По дороге на верблюженке
Едут некие важные женки,
В золотые укутаны ткани.
Эту ткань продают китайяне.
Гонят стадо босые пастушки. На плечах у них шкуры бараньи.
Ах вы, девушки-хохотушки! Не купили китайской ткани!
Не для вас привезли китайяне. У отцов-то пусто в кармане!
Говорит Василий:
— Ребятки! Кумача бы им дать, иль камчатки!
Казаки отвечают с воза:
— По камчатке то вытканы розы!
Будет жирно, пожалуй, слишком дать дамасту таким
замарашкам!
Одари ты их кумачишком, будут рады алым рубашкам!
— Нет! Камки, да той, что пошире дать аршина им
по четыре
Для прикрытия тела нагого! Ничего не давать другого!

8

Для приема гостей готово было все у царя Золотого.
Только вовсе не русских ждали, а людей, что из стран
подале.
Были разные тут иностранцы, царя Жолтого были посланцы
И китайский посланец пышный в одеяньи шелковом длинном
Говорил он с ханом Алтыном:
„У нас город де, мол, кирпишный, царь же наш зовется
Тайбыном,
Мудрецов у нас много, которых надо слушати, почитая.
Мол, фарфор и магнит и порох, все пошло от нас, из Китая.
— Вот земля-то у вас какая!—говорит царь Алтын.—Прямо
чудо!
Вдруг, возниц своих понукая, торопясь неизвестно откуда,
Едут гости. На них халаты. Под халатами ж звонкие латы.
Не поймешь, купцы ли, солдаты!

9

Подбежали нежданные гости к Золотому царю и оба
Зашипели не то со злости, а не то от какой хворобы, будто
слова сказать не в силах.
— Что ж шипите?—Алтын спросил их.

— А затем выпускаем шипенье, чтобы выказать к вам уваженье!

Вот как надобно нас понять!

Сами же за мечей рукояти то и дело берутся руками.

Мол у нас на горе Пузи-Яме, там у нас на горе Тузи-Яме!

— Да откуда ж вы будете сами?

— Мы то? Мы из заморского царства,

Из Топинского государства спешно прибыли под парусами.

Так царю отвечают топинцы.

— Привезли мы тебе гостинцы, только мы их покажем позже!

И товар привезли мы тоже.

— А какой?

— Под названьем „злости“.

Говорит царь Алтын:

— Это что же? Может быть вы не так произносите?

Может быть не „злости“, а „сласти“?

Тут раскрыли топинцы пасти:

— Сласти? Верно и это отчасти! Только, для поддержания власти,

Вам нужны не сласти, а злости, о, Алтын, о, царь добродушный!

И еще, чтоб народ был послушный, припасли для продажи мы попий.

Это действует лучше копий.

Мы сего продадим вам дурману,

Если это вам по карману.

Не возьмешь, так уступим Мечтану, да ему продадим и злости

Вместе с попием—сонной травой!

Покачал Алтын головою:

„Ну и чудные,—думает,—гости!“

10

Вот что в царской творилось ставке.

Кто лежит на коврах, кто на травке,

Угоститься готовясь на пире.

Повара суетятся у печек.

Вдруг является тут разведчик:

— Казаки к нам идут! Из Сибири.

Люди на ноги повскакали. Дивно встретиться с казаками.

Царь сказал:

— Звать и их к обеду! Дать почетного им конвою.

Буду с ними иметь беседу.

А топинцы:

— Вот, нашей травой ты, Алтын, казаков и попотчуй!

Царь на них:

— Нет у вас полномочий

В наше царское дело мешаться.
Тут прошу не распоряжаться!
Всех гостей я приму без обману,
Никому я не дам дурману.
Это что еще за советы?

Промолчали топинцы на это.
Потихоньку отсели в сторонку,
Будто зрят на могольскую женку
И ничто их не трогает боле.
Но вскочили они поневоле, за мечи ухватились руками.
Ой! Пойдут на бой с казаками. Прыгнут карлы
на исполинов!

Нет, однако! Мечей не вынув, отшатнулись в невольном
страхе
И вошел под шатер алтынов атаман в меховой папахе.

11

Говорит Василий:

— Из Тары мы пришли к тебе, царь Могольский!
Кроме русских вогулы, татары, и литовец, и выходец
польский

В нашем войске служат казачьем.
Мы охотничаем, рыбачим,
Сеем рожь, овес да пшеницу, охраняем свою границу.
Впрочем, Лунка Новокрещеный, наш товарищ, толмач
просвещенный,
Все расскажет, коль захотите. Вы его самого расспросите
Хоть зовется он Новокрещеный, — в нашу веру давно
обращенный,

Стал России он верный помощник.

И жена его носит кокошник, а зовется по-русски Аленой!
Все сибирские азиатцы, пожелавшие с русскими знаться,
Никакие теперь не враги нам. Мы с Кучумом собачьим сыном
Да с его сынишкой Алеем шли на бой, а народ мы жалеем!
Под Кучумом-то было не слаще ни вогуличам, ни татарам.
Знай: Сибирь нам сдалась не даром, не особенно ей подходящи
Были муллы Кучума, к примеру! Что на ум пришло изуверу!
Всех силком в басурманскую веру
Обращали и, стыдно сказать, стали добрых людей обрезать!
Мы таких не чиним насилий!

Так сказал атаман Василий. И Алтын отвечал величаво:

— Так! О ваших подвигах слава доходила, казак, и досюда!
Что приехали вы — не худо!

Принимаю грамоты ваши, меховые сибирские люди!
Слуги тотчас приносят чаши, тащат мед в золотой посуде.

Пир горой в алтыновой ставке.

Ветер полог шатра колышет.

А толмач за шатром на травке развалился. Не смотрит,
не дышит, а все видит и все он слышит.

Освежиться тут вышел Василий. Молвит Лунке:

— Ты что? Обессилел? Видно много тебе подносили?

А толмач:

— Ну! Я лишнее вылил!

Много пить, атаман, не можно, потому что кругом тревожно!

И заморские гости оба подозрительны мне особо!

Видно что-то они затевают! Видишь, хана в шатер зазывают.

Перед тем же как говорить, ему дверцу велют притворити.

Отвечает Василий:

— Ну, что же! Нас Алтын пусть примет попозже.

Царь Алтын в шатер удалился и за полог с топинцами скрылся.

— Что, топинцы, заморские гости?

— Царь Алтын! Покупай наши злости!

— Что ж! Показывайте образчик.

Раскрывают топинцы ящик.

— Вот, царь, злости!

— Э! Шутки вы бросьте! Это ж просто из бамбука трости!

Грош цена подобным дубинам.

Кой в них толк?

— А людей бить по спинам.

А вот этими бьют по пяткам. Знаешь, надо следить за порядком!

— Что ж, товар залежался порядком?— их Алтын тогда
вопрошает.

— Что ты, царь! Для своих не хватает! Но тебе удружить мы
готовы. Уважаем тебя, Золотого!

— А не станешь когда закупати, по иному начнем толковати.

Кой-куда заезжали мы раньше. Дар дарили княгине Мечтанше.

Мы научим князя Мечтана, он ударит по вашему стану,
опрокинет, спалит вашу ставку.

Ну так что ж? Открывать нам лавку?

Царь Алтын говорит:

— Обождите! Поутру я вам точно отвечу.

А пока вы, гости, уйдите. Утомился я вашей речью.

Кликнул царь своего министра.

— Казаки окончили кушать? Ну, давай, пригласи их быстро.

Что-то скажут? Надо послушать.
Как бы голову не попросили! Эти русские тоже в силе.
Тут вошел атаман Василий, а за ним и толмач просвещенный —
мудрый Лунка Новокрещенный,
А за ними во след еще двое молодых казаков из конвоя.

Царь вздохнув:

— Ну, сыны России, люди крупные меховые,
Что вам надо от хана Алтына?
Чем понравилась наша равнина?
Напрямик, казаки, говорите!

— А хотим мы с тобою дружить!
Предложение наше такое:
Под высокою царской рукою
Хочешь, хан Золотой, пребывать?
Мы бы стали тебя защищать
От Мечтана зюнгорского князя,
Что в горах твоих бродит, проказя!
— Да! Тревожат меня зюнгоры.
— Вот и к нам через южные горы
Тот же самый Мечтан перелазит.
На соленые наши озера
Набегают и тоже проказит!

Отвечает Алтын:

— В самом деле,
На Иртыш через горные щели выбегают [зюнгоры нередко-
Ох! Зюнгорья плохая соседка!
— Так давай же ударим вместе по проказнику злому Мечтану!
Скажем: хватит, не куралесте!
Молвит царь Золотой атаману:
— Вот спасибо за слово такое! Наконец-то добьюсь я покою!
Под высокою царской рукою вечно быть мне с этого года!
Только надо спросить у народа—хочет с вами он дело имети?
Эй, вы, слуги, щучьи вы дети!
Что стоите?
В трубы трубите!
Мой народ поскорей созовите
Возле озера на поляну!
Разговаривать долго не стану!

15

Идут люди Цзасактухана на призыв Золотого хана.
Все, кто жили в его владеньи, в этой части Омбо-Эрдени,
собираются на поляну.

Вышел царь Золотой к народу.

— Вам, о, старцы седобороды,

Вам, охотники молодые, говорю—вот посол из России.

Предложение его такое—под высокою царской рукою

Нам во веки веков пребывать, чтоб дружить и торговати.

Атаман сей посланник важный, человек, как я вижу, отважный,

Вот и грамота, лист бумажный. От царя Руси Михаила.

Люди! Худо-бы ли нам было жить в союзе с царем Михаилом?

Только это проговорил он, вдруг заморские гости оба
выбегают, машут тростями.

Что за ярость? Откуда злоба?

Что такое случилось с гостями?

А они кричат:

— Самозванство!

Хан Алтын. Не дружи с атаманом!

Не к добру он пришел в твоё ханство! Он, де, послан царем
самозванным!

— Как?—Алтын спросил.—Что я слышу?

А они:

— Признаем только Гришу! О царях мы еще поспорим!

Царь Отрепьев зовется Григорьем, римским папой на трон
возведенный,

Вот в России кто царь законный!

Рассердился Василий Тюменец.

Рек топинцу:

—Ты что—младенец?

Вор поганый Отрепьев Гришка воровал, но пришла ему
крышка.

Разве этого ты не знаешь? Что ж ты вора царем
объявляешь?

Видно разумом вы ослабли!

Тут взялись казаки за сабли, что-б с топинцами честно
биться.

...Вдруг бежит молодая девица...

16

Она, выбежав на поляну, в ноги пала Алтыну хану.

— Царь! Гони топинцев отсюда!

Тут затопал Алтын сапогами

Так, что бьется в шатрах посуда и слетает с котлов полуда.

— Что ты вертишься под ногами?

Как вмешаться ты, дева, посмела?

Одурела? Твое ль это дело?

Только девушка не оробела.

— Царь! Гони топинцев отсюда. Не погонишь—так будет
худо!

Вот почто тебе в ноги я пала!
Не прогонишь—все царство пропало!
Ко двору ли нам эти гости? Продают они гибкие злости
Твоему народу на муку! По лисе золотой за штуку
Разбирают их важные бары, да наносят ими удары.
Вот гляди— меня злостью посекали—на спине мне кожу
просекли!

— А за что?—рек Алтын сурово.

— По дороге гнала корову. Черт какой-то мчится навстречу—
„Вороти,—кричит,—изувечу. Подчиняйся моей причуде...“

Вот спасибо сибирские люди

Ткань мне алую, точно пламя, всю расписанную цветами,
Подарили, чтоб тело прикрыти. Ту камку я стирала в корыте—
И воды она не боится. И вовек той камке не сноситься,
Вот пощупай, глазам не веря!

17

Молвит царь:

— Хороша матерья!

Ладно! Вот что скажу теперь я:

Вся пехота и вся кавалерья,

Словом, вся, значит, наша имперья,

Пусть в роскошной матерьи этой будет вечно ходить одетой!

Покупайте сколь хошь, по достаткам!

А кто купит топинские злости, тех злостями же сечь по
пяткам!

Взволновались топинские гости.

— Царь Алтын! Подавай нам телегу. Мы поедем к морскому
брегу.

Разговаривашь с нами не мило! Твоя девка нас оскорбила!

Царь в ответ:

— Вон паршива кобыла. На двоих дам одну я клячу.

Уезжайте от нас. Не заплачу!

А они:

— Для жестокой мести мы вернемся лет через двести.

Уж тогда то мы вас осилим!

Усмехнулись тут Лунка с Васильем:

— Что ж! Вернитесь лет через двести, а хотите, так через
триста.

Вновь споткнетесь на этом месте. Это место довольно

гористо

И людей тут сломить не просто. Вы ж нахальны, да малого
роста.

18

На кобылу гостей посадивши, до околицы их проводивши
Рады были могольские люди. Всюду песни, веселый говор.

Счет повел золотой посуде государевой кухни повар—
Чаш, тарелок не досчитались, из которых топинцы питались.
Говорит Алтын атаману:

— О посуде жалеть не стану! Пусть подавятся блюдом, да
чашей...

А за то, что пастушке нашей дал ты ткань, коей век не
сноситься,

Вот тебе золотая лисица!

Этим очень богаты мы зверем! мех его точно пламя жарок.
Отвези в свой оевренный терем лисью шубу жене в подарок!

19

Погостив у Алтына неделю, казаки папахи надели, на коней
своих снова садятся.

— Вы куда?

— А мы прогуляться. Мы к Мечтану проедем в горы.

Царь Алтый говорит:

— Зюнгоры отступили куда-то ныне.

Там в горах, в каменистой пустыне, как Мечтана найти
непоседу?

— А найдем по конскому следу!

За какой-нибудь горной кручей,

Где кустарник растет колючий, там, наверно, они и кочуют,
Возле коней они ночуют.

На конях они родятся, на конях себе жен выбирают,

На конях они умирают. Без коней никуда не годятся.

— Да! Конями они гордятся.

20

Вот поехали. Солнце садится. Тьма настала. Куда податься?
Наконец удалось добраться до хваленной зюнгорской столицы.
Подивиться можно палатам: вбито в землю четыре кола там,—
вот и весь дворец государев.

Засмеялся Василий, ударив по гнилому колу нагайкой.

— Неуютно тут жить с хозяйкой! Да живет ли княгиня-то
с князем?

Рухнул кол, покатился на земь. В речку пал. Унесла его
речка.

Пусто. Ни одного человечка. Только брошена в поле уздечка,
Видно, кем-нибудь позабыта; да, точеная из копыта,
На траве валяется чашка, из которой кумыс попивали.

— Ну! Зюнгорцев найдем едва ли. Видно за горы ускакали.

Наконец человека сыскали—спит под деревом старикашка.

Разбудили.

— Веди к Мечтану!

- Где ж искать я Мечтана стану?
 — Ну, разыщешь. Ты ж здешний житель! Он же князь тебе,
 повелитель!

Сел старик на безногую клячу

И поехал вперед наудачу.

Вот, мол, задали мне задачу. Ладно! Может быть и отыщем!

21

Вдалеке за конским кладбищем приютилась чья-то палатка.
 Вкруг нее спят воины сладко.

Кто на кошмах, кто на попоне, кто седло положил под ухо.
 Ковыляют стреножены кони. А о страже ни слуха, ни духа!

Бормоча и вздыхая тяжко, тут и спешился старикашка.

Тычет воина кнутовищем.

— Вот они! Говорил, что отыщем! Эй, вставай!

— Ладно, ладно, встану! — молвит воин.

— Веди нас к Мечтану!

— Вас? К Мечтану? А кто вы такие? Э! Никак казаки из
 России!

— Где встречал? На Ямыше проказя?

— Точно так! В Иртышской долине! Только вы не добудитесь
 князя — он гашиша обкушался ныне!

Прямо горе нам с князем Мечтаном. Что ни ночь — напивается
 пьяным, жрет гашиш — арабское зелье,

Курит попей, а после, с похмелья, он становится злее шайтана!

— А откуда ж такие доходы? На какие живет он средства?

— Нанимается он в походы. Скажем так: не поделят наследства
 — Два каких-нибудь вздорных брата, иль соседи

перебранятся,
 И — к Мечтану.. Разбой, поджоги, кой-кого ограбить в
 дороге, —

Как придется, так и проказим... Эх! Растаться бы с этим
 князем!

К вам в Россию нельзя ли податься? В казаки нам нельзя
 наняться?

— Тех, кто вежлив, да нам покорен, — говорит атаман, —
 принимаем.

Вот в Тобольске один зюнгорин дом возвел, да еще с сараем!
 Приходи, коль живется не сладко...

22

Вот она и княжья палатка.

Грязный полог из конской кожи, а под пологом смятое ложе,
 А на нем владыка великий. Распластались перед владыкой
 Либо жены, либо рабыни. Ни в одной не узнать княгини.

У Мечтана подглазницы сини и лиловы сухие губы.
Тяжко дышит, оскалив зубы.

А рабыни:

— О, тише! О, тише! Нынче князь объелся гашиша!

— Почему ж не видать княгини?

Отвечают, кручинясь, рабыни:

— Увидали б, коль прибыли раньше. Нынче утром княгиня
Мечтанша,

Князя нрав не стерпев злодейский, в монастырь удалилась
индейский!

Стадо грустно тут атаману. Наклонился Василий к Мечтану,
Тот проснулся закашляв, захаркав.

— Вы,— спросил,— принесли подарков?

— Встань, Мечтан,— отвечает Василий,— от дурмана ты обессилел,

Но оставь мечтанья пустые, слушай наши речи простые.

Будет наш разговор короток: ты отведаешь наших плеток,
Коли станешь моголов зорити. Да, смотрите, в Сибирь не
ходите

На иртышские наши верховья, на соленые наши озера!

Вот какие наши условия для тебя проказника, вора!

Уползли из палатки рабыни, позабыв о своем господине,
Разбежалась мечтанова стража... Повторил атаман:

— То-то, княже!

23

Отвечает князек бродячий:

— Хорошо, атаман казачий!

Я моголов зорить перестану, на озера я лазить не стану.

Мне не надо соли ямышской! Да, к тому же, в долине
иртышской,

Как то бишь у вас говорится — завелась злая царица!

Держит нас она нынче в страхе.

— Кто ж она?

— В меховой папахе, на твою папаху похожей! Крест и образ
матери божьей, —

Как по вашему говорится, — на груди имеет царица.

„Значит русская... Что за птица?“ — про себя подумал
Тюменец.

„Может быть из каких изменниц воровская она атаманка?“

Может некая самозванка? Знали мы и таких мошенниц!“

Вслух сказал Василий Мечтану:

— Врешь ты все!

— Нет, я врать не стану!

— Хорошо. Коли так — до свиданья!

Тем и кончилось их свиданье.

И сошли по склону крутому казаки к царю Золотому.
Спать ложатся.
Но только не спится.
— Нужно нам домой торопиться!
— Непонятное там творится. Что такое? Какая царица?

24

Был в Моголии жар несносен, а в Сибири в ту пору уж осень.
На березах листочки вянут, весь дымкой небосвод затянут,
тянет с севера запахом гари.
Значит скоро будем и в Таре, потому что около Тары, что
ни осень — лесные пожары!
В Тару прибыли на рассвете.
Мужики и боярские дети — все выходят встречать атамана,
И одно лишь Василию странно: нет супруги среди бабенок.
Все распахнуты двери избенок, а тюменцева на запоре!
Не случилось ли страшного горя?

Черноглазая Лункина женка прибежала, оставив ребенка:
— Мы уж думали будем вдовы! В церкви ставила свечи
пудовы я за Лунку русскому богу,
Чтоб хранил обратну дорогу!
Пропадали вы больше года!
Вот и старый сам воевода. На Василия не глядит он,
Смотрит в сторону взором сердитым, будто стыдно ему,
седому.
— Не спеши, Василий, до дому!

25

Побледнел атаман. Вопросил он:
— Где жена?
Опустился без сил он на крыльцо воеводское:
— Братцы! Где жена? Померла, может статься?
— Успокойся! Жива и здорова! — воевода ответил сурово.
— Где ж она?
— Говорят тебе, Вася, что жива и здорова. Утрясся?
Утомился? Про отдых мечтаешь?
Пирогов - то с груздями желаешь? Ох, и вкусен груздь
малосолка!
Спятил старый? Бормочет без толка!

Потемнел Василий от гнева:
— Вы, имеючи сытое чрево, зажирели тут в теплом остроге.
У избышек своих на пороге
Очень просто сидеть зубоскала! Вы дремали, воров не искали!

А успела в степях объявиться неизвестно какая царица.
Что творится у нас в Прииртышьи? На озера ходили Ямышьи?
Тут сказал воевода старец:

— Погоди, Василий, сердиться! Что сердиться! Так не
годится.

А какая явилась царица, это ведает каждый тарец.
Если ты к перевозу выйдешь, так сейчас царицу увидишь.
Слышишь — песни за перевозом? Там царица стоит с обозом.
Задержалась перед паромом. А подъедет к твоим хоромам!
Только ты приглядишься-ка прежде: не в твоей ли она одежде,
Не в твоей ли она папахе? Посмотри: вон бабы, девачи и
ребята бегут вперегонки.

А в руках - то у них солонки! Все солонки, солонки, солонки!

26

Вот и дома Василий с женою.

— Подшутила же ты надо мною! Разыграла, как говорится!
Ну, рассказывай, диво-царица!

Что ты носишь мою папаху? Что мне тычешь в глаза
солонку?
Дай мне плеть!

Нагоняет страху атаман Василий на женку.

— Уходя к царю Золотому, приказал тебе я быть дома!

Ты мою нарушила волю. Кто позволил итти за солью?

Вот хватается он за плетку.

— Кто варначить дал позволение?

Перед мужем встав на колени, атаманша отвечает
кратко:

— А позволил мне воевода!

Не хотел он ни ягод, ни меда,—

Возжелал соленой капусты.

Поглядел, а боченки то пусты!

Пожалела я воеводу. Говорю: „Ну, давай подводу!“

Я Василью давно толковала, что у нас, мол, соли
не стало.

Только дай,—говорю,— охрану!

Я одна промышлять не стану“.

Я папаху твою надела,

Взяти новую не посмела,

Так взяла я собачью, стару.

Вот и выехали за Тару. И пришли к Ямышским озерам.

Пригрозила я там зюнгорам.

Опустилися у них руки, побросали копыя и луки,—

„Это, видно, сама царица, коли нас ничуть не боится!“

Вот-те крест, атаман Василий! „Ты царица?“ — так и
спросили.

Плюнул тут атаман и плетку бросил в угол.

— Ставь на стол водку! Будем пить из праздничных
чарок,--

У меня для тебя обновы.

Лисью шубу тебе в подарок я привез от царя Золотого.

Лисью шубу меряет женка. Ничего, хороша одежонка!

Но никак не заменит соболью!

Все же, наша богаче сторонка и мехами, и медом, и солью.

Нам и меда хватает и меди, в быстрых реках золото

блещет..

То-то зарятся часто соседи, как топинец зубами скрежещут!

ПРАВДИВАЯ ИСТОРИЯ ОБ УВЕНЬКАЕ

воспитаннике азиатской школы толмачей в г. Омске.

Часть первая

1

Поручик отставной Петров с учениками был суров,
Не уставал напоминать:

— Политику извольте знать!

Вот и сейчас вошел он в класс.

— Испытывать я буду вас... Я говорил вам много раз—

Владыки сопредельных стран давно покорствуют России.

Так вспомним же: кокандский хан нам отправлял дары
какие

В тысяча восемьсот тридцать первом году?

Ну, ну! Скорей, ответа жду!

Ты отвечай, Нур Мухамед! Молчишь? Не можешь дать
ответ!

Не помнишь? Спросим Увенькая.

Ответствуй!

Увенькай встает и тотчас же ответ дает:

— Даров тех опись есть такая,—

Бухарской сто локтей парчи, джюнгарской свиток чесучи,

Джелалабадские шелка, песку золотого два мешка,

Монголы взятые в полон и элѣфантус, сиречь—слон.

— Ты прав! Вѣдом был бѣлый слон. Скажи—дошел
докуда он?

— Не доходя и до Тобольска сдох элѣфант на Иртыше.

Слону студено было, скользко итти по первой поросше.

— Ты прав! Здесь нет слонам дорог. Садись. За твой
ответ пятерка.

А кто не выучил урок, тому сегодня будет порка!

Истории учитель строг.

2

Полковник Шварц, угрюм с лица, имел отзывчивое сердце.

Для мальчугана-иноверца полковник заменил отца.

За стол садился один простой обед делить по-братски

Раб молодой и господин. Текла их жизнь по-холостяцки.

Спросил полковник: „Ну, дружок,

Какой сегодня был урок?

Чему учили нынче вас?⁴
И начал Увенькай рассказ...

Воскликнул Шварц:—Петров дурак. Он учит вовсе вас не так,—
Таит он, что кокандский хан в вышеозначенном году
Затеял дерзостный обман, себе, конечно, на беду.

„Глаза, мол, русским отведу, слона, мол, русским приведу!“
России в подданство просясь, сказав „покорствоваться желаем“,
Переговоры вел с Китаем о том же самом хищный князь..
Вот послал послов-пройдох...

Но их назад мы завернули.

Не от мороза, а от пули индийский слон в степи подох!

Теперь ты понял, милый друг?

Учиться кончишь ты когда,—

Пошлем тебя, туда, на юг, во туркестански города.

Разведывать ты будешь там, ходить за ханом по пятам.

Его повадки изучи.

Тебя готовим в толмачи,

Но, если в дебрях той страны

Годок побудешь ты не зря,

Тебе и большие чины

Мы исхлопочем у царя!

Шварц, речь закончивши, зевнул, лег на кушетку и заснул.

Раб потихоньку встал, идет из горницы на огород.

В траву он ляжет на обрыв и будет отдыхать, дыша

Прохладным ветром Иртыша. И книжку вынет, и, раскрыв,

Займется чтением не спеша.

Та книга очень хороша.

3

Прекрасна книжка! Как-то раз в воскресный день, после обедни

Шел Увенькай в полдневный час из крепости в аул соседний,

Где жил приятель Садвокас.

Шел и мечтал, что Садвокаса наедит четверть кумыса.

Вдруг видит: некая коляска стоит в степи без колеса.

Пошел обратно с кумысом толмач дорогою прибрежной

И видит, что ямщик небрежный все возится над колесом.

Вот два солдата трубки курят. Сверкают острия штыков.

Седок поодаль брови хмурит и книжкой гонит мотыльков.

„Скажи, джалдас, он кто таков? Из ссыльных, что ли,
поляков?“

Спросил толмач у ямщика. И был ответ его таков:

„Сей барин не из поляков, из русских он бунтовщиков.

Его должно быть года три не выпускали из оков.

В Ялуторовск из Бухтармы, на поселенье из тюрьмы

Его везем в коляске мы. С ним осторожней говори!

Его пугалися цари, страшились государи!
Чтоб свергнули государя
Сей барин подстрекал солдат
Четырнадцатого декабря
Двенадцать лет тому назад.
Вот он каков. Иди-ка, брат! Сюда приблизился ты зря!"

4

Пошел толмач. Вдруг слышит крик. То окликает бунтовщик:
— Эй, друг киргиз, остановись! Продай, пожалуйста,
кумыс!

Подходит Увенькай, дает бутылку путнику. И барин
Из горлышка прежадно пьет. Он говорит:

— Спасибо, парень! То не кумыс, а чистый мед!
А книжку сунул он под мышку, не закрывая. В эту книжку
Глядит толмач. Там есть портрет.
Изображает он парнишку пятнадцати не больше лет.
Он, щеку подперев рукою, сидит, парнишка толстогубый.
Курчавый парень, белозубый... узнать бы, кто это такой?

— Напился! Больше не хочу!—промолвил путник
толмачу.

— От жажды гибнул я. Ты спас. Возьми двугривенный,
джалдас!

Толмач ответил:—Полдень жарок, песок в степи кругом
горяч.

Пусть будет, что тебе в подарок я дал кумыс!

— Я не богач!—

Воскликнул путник,—

— Но с лихвою

Я твой подарок отдарю!

И трубку с львиной головою он протянул.

— Я не курю!

— Так что же дать знакомства ради? Ну, вот—
серебряная брошь.

Но Увенькай, на книжку глядя, молчал и думал:

— Сам поймешь!

Так получил он эту книжку в обмен на чашку кумыса
И все узнал он про парнишку, чьи так курчавы волоса.
Воскликнул пылко бунтовщик:

— Мой друг, хочу тебя обнять

За то, что ты любитель книг!

Смеялись конвоиры. Гнать
Им мальчугана было лень,—

Был зноен, душен этот день,
Смерчи клубились на дорогах...

5

„В ауле, на своих порогах
Черкесы праздные сидят.
Сыны Кавказа говорят
О бранных гибельных тревогах...“

— Но что это? Шуршат шелка. И чья-то нежная рука.
Легка, душиста, горяча, вдруг промелькнула у плеча.
Кто обнимает толмача?
Кто говорит:—Бонжюр, мой друг! Ах, как забавен твой испуг!
Как ты краснеешь, ай-ай-ай! Что ты читаешь, Увенькай?
Молчит толмач. А к книге тянется девическая рука,
Алеет нежная щека за кружевом воротника...
Архиерейская племянница, как ты стройна и высока!
Девуца спрашивает ласково:

— О, Увенькай! Давно ль ты глух? Я вижу—
„Пленника кавказского“

Читаешь ты. Прочти же вслух!

Я знаю: „на своих порогах черкесы праздные сидят“.

О чем черкесы говорят? Ну, ну! Читай мне все подряд,
о чем черкесы говорят.

Но обожди... Последний лист в сей книжице почти что чист,
Здесь окончание стишка...

Метнулась девичья рука и нет последнего листка.

„У, итн-бала, собачья дочь, листок ты рвешь из книги прочь!
Зачем листы ты рвешь из книг?“—

Хотел толмач промолвить вслух, но стал горяч, шершав и
сух неповоротливый язык.

От злостихватило дух.

А дева прячет за корсаж посеребранный карандаш.

— Вот письмецо! Не мни, не мажь.

Полковнику его отдашь!

6

Чертополох прильнул к полыни, лопух обнялся с беленой.
Бушует зелень на вершине стены старинной крепостной.
Бушует зелень. Ветер жарок. Он южный, он жужжит и жжет.
Врывается под своды арок старинных крепостных ворот.
Его гуденье, шелестенье заполнило ночную мглу.
Шумя колышутся растенья на старом крепостном валу.
Такие ночи лишь в июле случаются в краю степном.
Казак стоит на карауле на бастиионе крепостном
И вдруг он слышит: кто-то дышит, вот вздох и снова тихий
вздох.

— Эй, кто там ходит, кто там бродит, гнет на валу
чертополох?

Казак вскричал:

— Ау, ребята! То не сержантова-ль коза? Лови ее!
Пошла куда-то!

— Молчи казак! Протри глаза!

Не выйдешь ты из-под аресту, а то и выдерут лозой —
Как смел полковничью невесту назвать сержантовой козой!

7

На бруствере сух хруст песка, тропиночка узка. И слышится
издалека, как плещется река.

Раздался голос:

— Не споткнитесь. Поберегите глаз. Здесь карагач.

— Не беспокойтесь. Была я здесь не раз.

— Любовь моя, вы не боитесь гулять здесь в поздний
час?

— Я не боюсь, мой храбрый витязь. Надеюсь я на вас!

— Любовь моя, вы знаете—в степях опять мятеж!

— Ах, вечно у кочевников мечты одни и те ж!

— Верны нам ханы. Но на ханов чернь ополчается
везде.

Бунтовщик Исатай Тайманов восстал в Букеевской орде.

А также Утемисов некий творит преподлые дела.

Молва об этом человеке по всем аулам проплыла.

— Они ж далеко!

— За Уралом. Но и у нас найдешь таких:

Из Каратау мне доносят о подлых шайках воровских.

Там есть в горах один мятежник. Воззвал: „Страшитесь,
я приду!

Веду я бедных на богатых, я счесть с крепостью сведу“.

Мятежник сей наказан будет, в большую попадет беду—

В тысяча восемьсот тридцать шестом году не может быть
нападения на омскую крепость!

— Ведь это ж наглость и нелепость,—в ответ невеста
говорит,—

Коль сунется мятежник в крепость, ему жестоко нагорит!

Где ж он теперь, кайсак мятежный?

— Близ укрепления Каралы!

Но вы не бойтесь, друг мой нежный, ему куются кандалы.

Для супротивного кайсака уже куются кандалы. Я сам их
кузнецам заказывал, они крепки и тяжелы!

Тут южный ветер из пустынь дохнул пахуч, горяч.

Шарахнулись ковыль, полынь и дрогнул карагач.

И девушки раздался вздох, вдруг вспомнила она,
Что цепок здесь чертополох, дурманит белена.
— Сколь сладко пахнет здесь травой! Лопух и тот
расцвел!

На бастионе часовой глаза во тьму отвел.
Блуди коза, блуди коза, смущай народ честной.
Близка военная гроза над крепостной стеной!
Близка гроза иль далека тоска у казака.
На бруствере уже замолк тяжелый хруст песка.
Замолк песка тяжелый хруст и бруствер как бы пуст
И лишь чертополоха куст дрожит в горячей мгле.
Папахи мех курчав и густ, уста коснулись уст,
Скрипит трава, трещат стебли, прижатые к земле...

8

Устроил бал полковник нынче. Гостей ведет в парадный зал.
Мечи изогнутые, клынчи, кольчуги, шлемы показал.
— Коллекция моя прекрасна, живу я в Омске
не напрасно—

Люблю я Азию ужасно, ее мне будущее ясно!
Эй, Увенькай, подай бокал!

Созвездия сияют свеч в высоких медных канделябрах.
Полковник произносит речь:
— Друзья, подыдем тост за храбрых,
Что супротив бунтовщиков в немирные уходят степи.
Бунтарь закован будет в цепи!
План операции таков!
Тяжелый нанесем удар!
Эй, Увенькай, сними со свеч нагар!

Исполнил приказанье раб и возвращается на место.
Глядит — наряднее всех баб сидит хозяйская невеста.
Звать на казахском языке таких красавиц „Айналайн“, —
Браслет сверкает на руке, румянец пышет на щеке,
а сколько ласки в голоске.

Красива. Молодец хозяин!
— Эй, Увенькай, подай вина для госпожи!

И пьет она,
И молвит важно, как хозяйка:
— Спасибо, милый Увенькайка!

Ты жив, кавказский пленник наш? Ты будешь мне
любимый паж!
Полковник, раб ваш—милый парень, вид расторопный у
него.
Но не пойму я одного — он куплен или кем подарен?

— О, это дело было так, — сказал полковник. Есть у
Тары

Екатерининский маяк. Там торг. Киргизы и татары,
Калмыки и джюнгартцы даже порой съезжаются туда.
Там производится всегда рабов свободная продажа.
Мальца купил я у монгола за три с полтиной серебром,
Крестил мальчишку, отдал в школу — пусть вспомнит он
меня добром.

Я, знаете, к нему не строг. В жестокости не вижу прока.
Случается, что дам щелчок, когда не выучит урока.
Но обижать — помилуй бог!

Нет! Он оплачен серебром, ему забот нет ни о чем, пусть
вспомнит он меня добром, он будет бойким толмачом.
Он уже и теперь не только по-русски, но и по-арабски,
и по-китайски хорошо читает и пишет.

...Всю Увенькай беседу слышит. Стоит потупившись, не
дышит...

Все знает Увенькай, все помнит: родной аул, войну, разгром,
Монгольский плен и путь на рынок, маяк, стоящий за бугром.
Приезд полковника... Полковник платил казенным серебром.
Раб знает для чего он куплен и отдан в школу толмачей:
Чтоб, с виду будучи не русским, знать тайну всех чужих
речей.

Он знает: выучат законам, да и пошлют потом шпионом
Разведывать в кокандском царстве, где не смолкает звон
мечей,

Где не смолкает свист камчей, где камень гор еще ничей.
Там убивают толмачей... А ведь в Коканд пошлют, ей-ей!
Затем и обучают смеяться, хитрить, кланяться.

— Он сколько лет у вас останется?

— Покуда в школе толмачей.

Заулыбалась, вся румянится архиерейская племянница.
К полковнику прижалась. Тянется шлейф ее платья. И они
уходят в глубину зала, где тускло сияют созвездия свечей.

Часть вторая

1

По воле юной новобрачной преобразился дом невзрачный:
Фарфор в столовой, бархат в спальней, блестит в гостиной
пол зеркальный.

Преображенная квартира для Увенькай не мила, она до
свадебного пира куда уютнее была.

Былой уют, о, где ты, где ты! Табак, бутылки, пистолеты
Валялись в куче под столом...

Так, размышляя о былом,
Толмач сидит один на кухне.
Он грустен. Холода пришли.
Вся крепость в ледяной пыли, снега дорогу замели.

— Эй, гасни печь, свеча потухни,
Казенный дом рассыпья, рухни,
Исчезни, Омск, с лица земли!
Так он колдует про себя.

Вдруг сзади подошла хозяйка.

— Давно хочу спросить тебя:
О чем грустишь ты, Увенькайка?
Он вздрогнул. Юной госпоже без размышленья дал ответ он,
Как будто он давно уже хотел ей рассказать об этом:

— Ой, Айналаин! Тяжко мне. Грущу я по родной стране.
Когда на степь в окно взгляну, в родную хочется страну.
Не в Джетысу, и не в Китай, а в ту страну, что я по праву
Считаю родиной. На славу земля Сары-Ишик-Отрау,
Страна „Тулуп — носить — кончай“.
Прекрасный дальний, теплый край.
Когда-то я вернусь туда?

Сказала Айналаин:

— Да?
Ах, бедненький! Ты — омский пленник?
Пойди и принеси сюда
Березовый мне тотчас веник.
Ну, живо, знатный иностранец! Кому хозяйка говорит?
Разгневалась она. Румянец багровый на щеках горит.
Схватила веник. И спеша, с прута за листиком сдирает

листик.
— Вот! Розга будет хороша! Вот это будет добрый
хлыстик!
Ты захотел в родимый край! Тебе, наш пленник, с нами скучно?

...И был наказан Увенькай полковницей собственноручно.

2

Из Петербурга в Омск возок казенный летит в сопровожденьи
охраны конной.
Трубит над степью ветер неумолчный, метет он снег со степи,
сухой и колкий,
В оврагах завывают степные волки и съезжился в кибитке
чиновник желчный,

Весь тонет в шубе волчьей, до треуголки.
А позади кибитки драгунов трое. Они перекликаются между собою:

— А ну, успеть бы, братцы,
До крепости добраться!
К двадцатому бы марта!

— Уж надо постараться.
— Поспеть бы хоть к апрелю!
— Успеем раньше, братцы,

До крепости домчаться
Ведь мчимся, аж взопрели!
Беседуют драгуны:

— Везем предмет чугунный,
Тяжелый очень.

Он в ящик заколочен.

— Вот бы узнать, что это такое!

Им не дает покоя, знать что это такое:
Пули, бомбы, таможенные пломбы?
Чорт его знает, что это такое!

И вот, на остановке, распив бутылъ перцовки, драгуны
стали прятки.

Идут к кибитке:

— Что это такое мы везем в подводе в Омск
из Петербурга, ваше благородье?

Слышно из кибитки:

— Всего тут есть в избытке — кнуты, колодки, орудия
для пытки, свинец лить в глотки
Бунтовщикам проклятым, киргизцам злобным, да болтунам
солдатам, тебе подобным.

3

— Тебя сегодня в школу не отпускаю, — полковница сказала
Увенькаю.

— Мне на базар сходить сегодня нужно, боюсь, что завтра
будет и вовсе вьюжно.

Пойдешь и ты со мной нести покупку. Возьми корзинку и
подай мне шубку.

Трубит восточный ветер, метель пророча.

Он мучит, жжет и колет, летя навстречу.

Из труб нисходят дымы обратно в печи.

Еще жесточе

Вьюга будет к ночи.

Она исщиплет веки, залепит очи.

Так злы зимы восточной последние потуги.
Ну, что же! В час урочный взвивайтесь вьюги!
Метет буран, но торг идет горячий на площади. Шумит
базар Казачий.
В рядах мясном, молочном, рыбном, птичном идет хозяйка с
видом безразличным.
И в лавочках свечных, мучных и хлебных не слушает она
речей хвалебных,
Что произносят на степных наречьях торговцы в шубах
козьих и овечьих
И в малахаях песьих, лисьих, волчьих.
Полковница везде проходит молча.
Какое ей дело до всякой базарной сволочи!

Тут Увенькай увидел Садвокаса. Привез дружок продать
сыры и мясо.

Сказал он тихо: „Увенькай, здорово!
Сарым - Батыр в степи явился снова!
В орде Букея позади Урала
На Хан Джангира вольница восстала!“
... Но говорить им удалось немного, полковница на них
взглянула строго.

Во взоре том угроза и острастка.
Сказал толмач: „Прощай, о, Садвокаска!“
А Садвокас: „Прощай, о, Увенькайка!“
Как вижу я — строга твоя хозяйка!“
И скрылся Садвокас среди кайсаков. Он затерялся, с ними
одинаков.

Домой идут. Сеть кружев вьюжных
Опутала редут. Со стен наружных
Свисают на форштадт гирлянды снеговые.
Но что это кричат на вышках часовые?
— Гей! Тройки степью мчат!
Наверно из России!

4

Полковник, отобедав молча,
Встает.
— Я снова должен в полк!
.. Откинул кучер полость волчью.
Бич свистнул. Скрип полозьев смолк
В проулочке.

— О, боже, боже! —
Полковница вздыхает: — Ах!
Так каждый день одно и то же...

В окно взглянула. Ну, и что же?
 Да то же самое! В снегах
 Вся крепость тонет. Ветер гонит
 На бастионы снежный прах.
 Полковник скрылся в здании штаба.
 Домой вернется он не скоро.
 По карте крупного масштаба
 Он реки, горы и озера
 Страны киргизской изучает.
 Он в штабе. А жена скучает!
 Ничто его домой не манит.
 Полковник занят, очень занят!
 О, неужели выстрел грянет на бастионе крепостном?
 Когда ж, когда ж покой настанет в стране киргизской, в краю
 степном?
 Когда? Об этом мы не знаем. Все лживы! Никому не верь!

И вот беседу с Увенькаем ведет хозяйка через дверь:

— Эй, Увенькай!

— Я слышу вас.

— О чем беседовал в тот раз ты на базаре целый час с
 киргизом? Кто он?

— Садвокас.

— Мне наплевать, что Садвокас. О чем беседа шла у вас?

Ты бормотал: „Сарым-Батыр“,

— Нет, я спросил: „Что стоит сыр?“ Сыры он продавал
 овечьи.

— Не головы ли человечьи?

— Нет, госпожа. Овечий сыр!

Я говорил: „Твой сыр хорош!“

— Ложь!

Я не верю. Все ты врешь. Беседа не о том была.

О, подлый раб! Он полон зла. Он, верно, рад, что Карала на
 крепость Омскую восстала!

В степях, где мрак, в степях, где мгла, свистит аркан, гудит
 стрела.

Его сородичей дела!

У, подлый раб. Его б драла весь день, раздевши до гола!

Всю ночь бы провела без сна, его драла бы докрасна.

Всего бы плетью исхлестала!

Полковница тихонько встала

И медленно выходит в зал. Там, на стене, среди забрал,
 Кольчуг, шеломов и щитов висит коллекция кнутов, камчей,
 бичей, плетей, хлыстов.

Есть у полковника хлысты — одни толсты, другие гибки.

О, подлый раб, узнаешь ты, как строить за дверьми улыбки!
Вот что - то ошупью взяла и медленно к дверям пошла.
Был смутен, беспокоен взор.
Но до порога не дошла —
В окошке всколыхнулась мгла
И дрогнул ледяной узор на изморози стекла.
То грянули колокола. К вечерней службе звал собор.

5

Гудят, гудят колокола!
Пустынна улица была,
Спала. Но вот из-за углов
Вдруг появляются солдаты.
Хруст снега, гром колоколов, как орудийные раскаты.
Идут саперы и стрелки,
И пушкари и казаки.
Идут толпой, идут не в ногу, спешат, бегут через дорогу,
И тени их, мелькнув в окне, скользнув по каменной стене,
Напоминают о войне.

Тогда, почувствовав тревогу,
Кричит хозяйка:
— Увенькай!
Скорее шубу мне подай
Пойду и я молиться богу!
Она готова в путь. Но вдруг во все окошки слышен стук.
— Хозяйка дома, казачок?
Влетают девы на порог
И, не снимая шубок даже, лишь распахнув их на груди,
Бегут к полковнице:
— Куда же итти ты хочешь? погоди! Из Петербурга весть
пришла!

Вотще звонят колокола.
Великопостные напевы вотще в соборе тянет хор.
Теперь уж не поспеть в собор,
Взволнованно щебечут девы:

- Он был курчавый, как араб!
- Он был ревнив. Поэты пылки!
- Его убить давно пора - б!

Он яд развел в своей чернилке!
— На грех вернулся он из ссылки!
— Он неискусный был стрелок!
— Ну, вот! Палил он даже сидя!
— Ах, как ужасно!

Некролог прочтете в „Русском инвалиде“.

И долго девы лепетали про Николая, про Натали.
Но, наконец, они ушли. И стало пусто в темном зале.
И снова вьюжный вечер длится. Одна полковница томится.
Столица! Шумная столица!
В кавалергарда на балу
Эрот пустил свою стрелу.
Ну, что ж! Дуэль! Извольте биться,
Коль захотелось вам влюбиться!
А здесь? От мужа не добиться,
Чтоб приласкал. Здесь счастье снится.
Что делать? Плакаться, молиться,
Рычать, как лютая волчица?
В опочивальне на полу на волчью шкуру опуститься
И в мех коленями зарыться и лбом о волчий череп биться
Перед иконами в углу?
Какая жалкая судьба!

Зовет полковница раба:

— Эй, Увенькайка! На дуэли, ты слышал, Пушкин
твой убит?

Предерзок этот был пиит. Его остроты надоели!

Раб Увенькай в дверях стоит.

— Ты слышал, — Пушкин твой убит?

Да. Он убит. А ты, калбит, сегодня мною будешь бит.

Рассказывай, о чем ты шептался на Казачьем базаре со своим
Садвокаской?

6

Он окровавлен, бос и наг, был выброшен на солончак.
Соль проникала в поры, жглась. Все тело облепила грязь,
А ноги связывал аркан.

Так присудил кокандский хан — чтоб был мучительно казнен
с поличным пойманный шпион.

Кончалась служба толмача. Он задыхался. Саранча вокруг
носилась, стрекоча и крылышками щекоча

Ему лицо. Томился он.

И вдруг он понял — это сон,

Бред, вздор, предутренний кошмар.

Здесь не Коканд, здесь не Кашгар —

Он в Омске. Свешиваясь с печи, томит иссеченные плечи
овечья шуба, горяча.

И тараканы шеборча, бегут от первого луча,

Проникшего через оконце.

Не яркое, но все же солнце

В окошко светит, трепеща.

В халате и без шаровар из спальни вышел злой хозяин.

Он в ссоре, видно, с Айналаин.

— Эй, Увенькай, ставь самовар!
Раб выскочил из-под овчин, раб быстро наколол лучин.
Проворен раб. Всему учен.
Вот самоварчик вскипячен.
— Извольте пить, пока горяч!
— Подай-ка, кстати, сухарей!
Все выполнено.
Из дверей толмач выходит поскорей.

7

Толмач выходит поскорей, по снежной улице идет.
Вдруг видит: у штабных ворот толпа веселых писарей.
Они тяжелый ящик через ворота тащат.
А сзади, в шубе волчьей, чиновник злой и желчный
Бежит, кричит тревожно:

— Эй! Легче! Осторожно!
На снег углом не опускай!
... Промолвил тихо Увенькай:
— Что тащите вы, писаря?
— Подарок от государя.
— Какой?
— А, видишь ли, убит

Один столичный житель.
Пиит, что всюду знаменит.
Прекрасный сочинитель.
И некого печатать там
И потому отправлен к нам
Печатный новенький станок.
Понятно ли тебе, сынок?

Хитро злословят писаря, между собою говоря:
— Ах, как я рад! Доволен ты?
— Уж отдохну теперь я!
— Гусиные до темноты

Скрипеть не будут перья —
Циркуляры, формуляры, постановления, уведомления,
приказы, указы—все на станке теперь будем печатать!

Полковник допивает чай.
— Чего ты хочешь, Увенькай? Скажи скорее. Я спешу!
— Я вас о милости прошу.
— Какую милость просишь ты?
— Хочу я изучить шрифты.

Я с русской грамотой знаком, с арабской грамотой знаком,
с китайской грамотой знаком,

Хочу работать за станком.
Печатанье мне любо книг.

— Добро придумал, баловник!
Что ж! После школы каждый день в печатьню будешь ты ходить.
Учись, когда тебе не лень. Я разрешаю. Так и быть!
Позови ко мне правителя канцелярии — я отдам распоряжение,
чтоб не забыть.

Часть третья

1

— Работы много, друг, у нас, — сказал правитель канцелярский. —
Перепечатай сотню раз правительственный указ.

Да пожирней — указ-то царский.
И губернаторский приказ. Вон тот: „Бий-Чоп с ордой
дикарской в степи ворует атбасарской“...

— Так точно. Слушаю я вас!

Чиновник, кашляя, ворча, все ходит возле толмача.

— Ты молод. Потрудись и ночью.

А я устал. Вздремнуть не прочь я.

И вот ушел.

Чадит свеча и мышь, за шкафом шеборча, грызет
бумаги грязной клочья.

Тоска. Работа без конца. Но пальцы гибки, руки ловки

Хватают цепко за головки тяжелых литер из свинца.

... Текст, подписи и заголовки.

Итак „мы, милостию божьей“. Приступим к делу.

Дальше как?

Вот на мыслете не похожий попался в руки легкий знак.

Рцы! Рцы и надо! Это строки с рцы начаты. Звучали так:

„Редел на небе мрак глубокой“...

Ну, да! Редел на небе мрак...

О, Пушкин! Ночь еще темна! Еще темна над степью ночь.

Есть дама в крепости одна. Полковница, собачья дочь.

Из книги вырвала она последний лист, сказала — „Чист!“

Пусть ночь я проведу без сна — восстановлю я этот лист!

Я не забыл прекрасных строк. Звенят подобно серебру.

Я отпечатаю листок и в книгу вклею по утру!

2

Толмач трудился три часа, на окна и на дверь не глядя.

Светало. Искрилась роса.

Птиц зазвучали голоса.

... Чиновник, хитрый как лиса,

Тут к толмачу подкрался сзади

И вдруг схватил за волоса.

— А ну-ка, дай мне, Увенькай,
Что отпечатал за ночь. Ну-ка!
Быстрее оттиск мне подай!
Э! Что такое? Вот так штука!
Я занемог, я спать прилег,
Тебе доверился я сдуру,
А ты печатаешь стишок...
Ты предъявлял его в цензуру?!
Ну, раб, с тебя мы спустим шкуру!

Зловеще звякнул ключ, в замке.
Крича, бежит чиновник в город.
И мыслит Увенькай в тоске:
— Теперь жестоко буду порот!
Ах, жизнь моя на волоске!
Но, впрочем нет! Не буду порот!
Толмач рубаху быстро снял,
Переглянул бечевкой ворот
И рукава перевязал
Он тонким крепким ремешком.
Рубашка! Сделайся мешком!
Все литеры возьму себе!
В мешок скачите а и б,
В, г, д, е, ж, з, и, к —
Ложитесь все на дно мешка!
Фита, и ижица, и я,
И твердый знак, и мягкий знак...
Вся типография моя!
Давно бы надо сделать так!
Так надо сделать бы давно!
И бросил он мешок в окно.

3

Весь день полковника жена
Пытала: — Где же Увенькай?
Твоя вина, твоя вина!
Мальчишку ты не распускай!
Наказан будет Увенькай, коль скоро он придет назад.
В свечной завод его отдай — пускай узнает, что за ад!
Еще чернильный есть завод, свечному тоже он подстать.
Пусть поработает там год! Мальчишку надо наказать!
Вот шубный есть еще завод,
А также фабрика сукна.
Пусть поработает там год!
— Довольно! Не учи жена!
Сам знаю!

Сумерки. Луна.

Полковник смотрит из окна
На Омск. За гарнизонным садом,
Где берег выгнулся речной,
Гнилым, горячим дышат смрадом
С суконной фабрикою рядом
Заводы шубный и свечной.

4

На юг, через солончаки по направлению к Каратау
Идут сибирские стрелки, драгуны скачут, казаки
С кайсаками чинить расправу.
Сверкают пики и штыки,
Все глубже в степь идут полки.

Видна из-за реки Сары вершина голубой горы,
А дальше — розовые горы.
И офицеру офицер кричит: — В горах среди пещер
Барантачи таятся, воры!

На берегу реки Сары,
Вблизи понтонных переправ,
Среди степных колючих трав,
Сегодня ставятся шатры.
И ходит около шатров
Подтянутый, как на параде,
Поручик отставной Петров — историограф при отряде.

— Скажите, прав я, иль не прав? — спросил Петрова
юный лекарь.

— А? Что такое, друг аптекарь? Что вам угодно,
костоправ?

— Хочу спросить я — от Сары верст десять есть до
той горы?

Она насколько далека?

Петров ответил свысока:

— Верст десять есть наверняка,

Коль ехать, а пешком итти —

Так верст сто десять есть пути!

Добавил он, захоловат:

— Бунтовщиков в горах застав, суд учиним мы по
уставу —

Одних кнутами ихлестав, других на дыбу — чтоб суставы
Хрустели - б! Верно, костоправ?

Ведь вы потом любой сустав обратно вправите на славу!

Ответил робко костоправ:

— Нетрудно вывихнуть сустав.

Нельзя на это делать ставку...

От просвещения отстав,
Недаром вышли вы в отставку!

— Как так?

— А так.

Не палачей

Иль, говоря грубее, катов,

А нужно в степи толмачей

Да просвещенных дипломатов.

Понятен смысл моих речей? Владычить нужно, розгу спрятав!

Уразумейте: Сарым - Датов — простонародный богатырь

В степях восстал, шел на Сибирь, сек белу кость, аристократов

И русский разгромил отряд

В тот самый год, когда Марат

И Робеспьер явились миру!

— Э, лекарь! Все чудишь, ты, брат!

Пойдем-ка лучше в штаб - квартиру.

Там можно выпить, говорят.

— Вы ж пили, господин Петров.

— Хочу еще!

И меж шатров

Они идут. А ковыли кругом трепещут у дороги.

И лекарь снова:

— Степь в тревоге!

А нынче к бунту привели

Весьма тяжелые налоги.

В высокий чин мы возвели

Султанов. Бедняки ж убоги,

Живут без хлеба, без земли!

У них для бунта есть предлоги!

— Нет, лекарь! Порете вы чушь. Не приобыкли вы к
Востоку.

— Помилуйте. Не палачу ж творить политику высоко!

Не государственный вы муж... И пьяны вы, Петров, к тому ж!

— Что, милостивый государь? Свободомыслие вы бросьте!

— Идите прочь!

— А ну, ударь! Тебе я поломаю кости!

— Ого! Отведаешь ты трости!

— Под глаз получишь ты фонарь!

Звенят кузнечики в траве, белеют лагеря шатры.

А у Петрова в голове гуляют винные пары.

— О! У меня прекрасный слух и голова есть на плечах.

Учуял я мятежный дух в безумных лекарских речах!

Успел наш лекарь прошлый год в Ялуторовске побывать.

Не зря Апостол там живет, Апостол учит бунтовать.

Якушкин там, и Пущин там. Злодеи это! Целы дни

За Муравьевым по пятам разгуливают они.

Там весь мятежничий совет, штаб бунтовавших в декабре!
Ентальцев пушечный лафет в завозне прячет на дворе!
Таков и лекарь наш злодей. Он нахватался там идей.
Я донесу, уведомлю! — кричит поручик во хмелю.

5

С гор, как из каменной печи, дохнули ветры горячи.
А на степи озера блещут.
И в душном воздухе трепещут солоноватые лучи.
С солончаков идут смерчи.

— Забудь про лекаря, дружок! —

Сказал Петрову есаул, —
Вернемся в Омск на долгий срок
Его возьмем под караул.
Ну, а пока - что развлеченье
Устроить я тебе хочу —
Артиллерийское ученье,
Пальбу из пушек по смерчу!

. . . Раздался первой пушки гром,
И смерч, пронизанный ядром,
Горячую обрушил пыль
В трепещущий степной ковыль.
И выстрел делают второй.
Поплыла над рекой Сарой
Пыжей воспламененных гарь.

— Пошто ж промазал ты, пушкарь!

Смерч убегает невредим,
Пороховой клубится дым.

— А ну-ка, раз еще ударь!

Они палят. А с дальних гор, от смеха прикусив губу,
Лихой джигит глядит в упор на пушечную стрельбу через
подзорную трубу.

Приобретенная в Китае труба имеет золотая драконовидную
резьбу.

6

С гор, как из каменной печи, дохнули ветры горячи.
А на степи озера блещут.
И в душном воздухе трепещут
Солоноватые лучи.

Скачи, беглец, на юг скачи!
В степях рождаются смерчи.
Вихрь налетит — темно в глазах.
Скачи сквозь вихрь, скачи, казах!

Приедешь ты в мятежный стан на склон горы в гнездо туманов.

— Эй! Утеミス! Эй, друг, Тайман,

Где вы? Мятежных много станов...

— А ты откуда, мальчуган?

— Моя поклажа тяжела:

В мешке трепещут у седла

Шесть тысяч из свинца литых

Тяжелых букв. Тут весь алфавит!

Теперь полковник не расставит

Ни точек, ни запятых!

Постановление и приказ,

Уведомление и указ

Они не наберут сейчас. Все буквы здесь. У нас!

— Ого!

Вот это — баранта!

Их канцелярия пуста!

Бездействует станок печатный!

А эти буквы из свинца

Взамен курьера и гонца

Мы скоро пустим в путь обратный!

Из букв рождаются слова!

Из слов рождается молва.

Но что молва?

В Баян-Ауле

Оружье нужно, а не речь.

Мы эти буквы бросим в печь

И буквы превратятся в пули.

7

Стоит в горах Баян-Аул. Оттуда слышен смутный гул —
мятежники шумят в ауле:

— Переливайте буквы в пули! Переливайте буквы в
пули!

— Где гость — толмач?

— Толмач уснул.

— Ты отдохнул ли, Увенькай?

— Я отдохнул.

— Тогда вставай!

Мы просим — с нами побеседуй, о городе Омбы поведай.

Что нового там есть в Омбы?

Казахские там есть рабы в крепости на Оми?

Их много ль? Торговать людьми, мы слышали, давным
давно правительством запрещено,

Но ведь торгуют, все равно!

— Скажи, почему в Омбы сукно, там можно ли купить
сукна?

— Мы не бывали там давно.

— Война!

Война!

Правитель волостной, начальства русского любимец,
Султан был злобный лихоимец, он мучил весь народ степной.
Но Утемис и друг Тайман пример народу показали.

Они султанов наказали. И мы сказали — „Прочь султан!
Иди у генерал-губернатора новую должность хлопочи нынче!“
За мечи народ взялся, за камчи, за клынчи.

Со своим султаном поссорились — омское начальство обиделось.

Война!

Наточены клинки и приготовлены арканы.

Из юрт выходят старики — седобородые баяны.

Поют. И песнь у них одна:

Война!

8

День зноен был, ночь — холодна. Так водится в краю степном.

Над скалами встает луна.

Былое показалось сном.

Виденье — крепость у реки и типография, и школа,
Хозяйка, что кнутом порола, и книги рваные листки.

Но нет! Не побороть тоски!

Увы! Не побороть тоски, не залечить сердечной раны.

Ну, погодите, старики, седобородые баяны!

Недаром в школе толмачей учился Увенькай три года,

Недаром он не спал ночей...

Постиг искусство перевода.

Был раб. Теперь пришла свобода!

Теперь открыто, не тайком, толмач — искусник перевода, —
Расскажет знаете о ком?

О том, кто научил любить свободу, вольность... О баяне,
Чьих песен мощно обаянье, чьих слов во век не позабыть.

О, русский! Я тебя люблю. Ты слышишь, о тебе скорблю!

Я, упиваясь гордой речью, ее созвучья уловлю и на
восточные наречья переводеу все, что люблю.

Я песнь твою переводеу.

В Большую, в Малую орду с твоими песнями пойду.

Идет война. Но с кем она?

Тот, кто свободу, вольность славил, тот не сказал нам о войне.

Кузнец воинственный в огне свинцовый тяжкий шрифт
расплавил.

Постановленье и приказ они не наберут сейчас, все буквы здесь.

Они у нас!

Бездействует станок печатный.

Все эти буквы из свинца мы скоро пустим в путь обратный!

Но песни вольного певца — из серебра, не из свинца...

В ущельях рокот барабана. Зловещий блеск ружейных дул,

Но песни вольного баяна, услышишь ты, Баян-Аул!

ДОМОТКАННАЯ ВЕНЕРА

1

Гусиное перо подайте,—я шепчу,—
Вам о судьбе своей я рассказать хочу,
Глядящая на вас с любого гобелена.
Вы ведаете ли: Прекрасная Елена,
И Венус, и Сафо, и Нимфа у ручья
Не кто-нибудь иной, но—я и только—я!
Оборотилась в них кому-то я в угоду.
Но русскую свою мне не забыть природу!
Так дайте ж мне перо, прошу я, поскорей,
Пока ничьих шагов не слышно у дверей,
Покуда еще есть бумага и чернила,
Хочу я, наконец, все рассказать как было!

*

В Тобольске, если вам случится побывать,
Несчастную мою вы помяните мать.
Погребена она на том погосте дальнем,
За валом городским, на кладбище Завальном,
Над коим шелестят густые деревья,
Как будто мертвецов звучат там голоса
На разных языках, и речь бояр надменных
Там слышится, и ропот шведов пленных,
И всех кого судьба к нам привела сюда,
Кто за наживой шел, кого гнала беда.
Все, все уют нашли на дальнем том погосте,—
Их там, в сырой земле, соприкоснулись кости.
И простолюдины лежат там и князя.
Вот там погребена и матушка моя.
Ушла она, презрев сей жизни огорченья,
Оставивши меня отцу на попеченье,
И нянчиться со мной родитель был бы рад,
Да только отнимал досуги магистрат—
Все дни он проводил в палатах магистратских,
Избранник от людей торговых и посадских.
Но вот, из Питера однажды возвратясь,
„Довольно вышивать,—сказал он мне,—да прясть,

На задний двор глядеть в оконце слюдяное!
Ты нынче, дочь моя, возьмешься за иное:
В столице побывав, я, дочь, видал виды.
И ты уразумей: там девы молоды
Графини да княжны, принцессы ангальт—цербтски,
Они себя ведут совсем по-кавалерски!
А почему у нас, у добрых сибирян,
Не может это быть? Нам тоже разум дан!
— Отец!—я говорю,—ученье к лицу знати!
— Нет. Я вот из простых, а—ратман в магистрате!
Незамедлительно учиться ты пойдешь,
Наставник для тебя находится хорош,
Наставит он тебя премудрости заморской!
— А кто же он? — Шабер, кухмистер прокурорский!
— Отец! — я говорю. — Ведь этот повар плут:
Его, и на базар когда приходит, бьют.
— Нет. Чтоб не плутовал, я с ним имею сговор.

И начал обучать меня французский повар.

Училась языку неплохо я весьма,
Но затруднения пришли насчет письма.
Шабер нам говорит: „Науку знаю устно,
А в каллиграфии рука, мол, неискусна!“
Расстались с поваром. Попала к чудаку,
Лекарем состоял при драгунском полку,
Но как угнали полк на Иртыша верховья,
А лекарь от своих отстал по нездоровью,
То дал ему отец квартиру и харчи.
„За то,—сказал,—мне дочь наукам обучи“.
И начал лекарь тот учить меня латыни...
Но, боже! Не могу забыть я и поныне,
Как лекаря сего отец погнал мой прочь:
„Чему ты обучил невинную мне дочь,
Зачем ей показал язычески соблазны?
Преследуют ее виденья неотвязны,—
То некий римлянин, то обнаженный грек.
Кто в этом виноват? Ты, дерзкий человек,
Понеже вздумал ей гексаметры читати.
Забыл ты кто я есть? Я—ратман в магистрате“.

Отец заботится, а толку нет никак.
Соседи говорят: „Упрямый он казак,
Задумал дочь свою наукам обучати,
Не знает только он с какого конца начати“.
Так люди говорят, что вхожи в магистрат,
В полицеймейстерской конторе говорят.

Которые скорбят, которые смеются,
Мол, замыслы его никак не удаются.

*

А время между тем, все движется. Не ждет.
Семнадцать мне уж лет, осьмнадцатый пойдет.
Не девочка теперь, но зрелая девица.
Отец задумался: „Не поздно ли учиться?“
И помню, как то раз сказал мне, наконец:
„Послушай. Не пора ли, дочка, под венедь?
О прелести твоей заводит речь подъячий,
Не прочь бы взять тебя и сотник наш казачий..
Да. Кстати, дочь моя. Художник - то, Антон,
В соборе приступив к писанию икон,
Тебя изобразил как деву пресвятую..
— Ах! — говорю. — Как смел. Вот в голову пустую
Пустая лезет блажь. Пошто ж так дерзок он?
Мне, — говорю, — отец, не нравится Антон,
Пришлец из дальних стран оттуда убежавший,
Убивший ли кого, кого ли обокравший.
— Нет, — отвечал отец, — прибыв из-за Карпат,
Весьма он человек неглупый, говорят.
К какой - то, верно, там был схизме он причастен,
Но он раскаялся. И снова в ересь впасть он
Не собирается. Повинен был бы в чем,
Не стали бы его в архиерейский дом
Впускать, как доброго, и не был с ним столь
близко б, —
Заметь-ка, дочь моя, — сам наш архиепископ!
— Архиепископ наш и сам из поляков, —
Отцу я говорю. — Ну что ж? Зато тодков!
И за прим ром, дочь, ходить недалеко нам:
Он похвалу дает антоновым иконам.
И, надо понимать, что, в Кракове учен,
Не токмо малевать умеет сей Антон, —
Мечтает некую открыть мануфактуру.
Неутомимую имеет он натуру.
Стать фабрикатором решил. И, например,
Сравниться ль может с ним хотя б дурак Шабер.
Есть иноземцы разные, я вижу.
Сей выехал Шабер из города Парижу,
Чтоб, езда по миру, в ступе воду толочь.
По бедности им жить на родине не в мочь—
Бродягами они становятся, ворами,
Иные ж, как Шабер, в Тобольске поварами.
Антон же не таков. Будь униат, будь грек,

Добро пожаловать, коль мудр ты человек,
Способный сотворить любое рукоделье.
Бывает, что и росс дичает от безделья,
А сей пришлец готов к полезному труду!
— Чет! — закричала я. — Я замуж не пойду!
Перед родителем ударилась я в слезы.
Тогда печально так, хотя и без угрозы —
„Смотри, в девицах ты останешься навеки!“ —
Ответствовал отец. Нехитрый человек
Все дни он проводил в палатах магистратских,
Избранник от людей торговых и посадских.
Судьбу мою решить имел ли он досуг!

Он в ратуше, а я резвлюсь среди подруг, —
То в церковь мы пойдем, то мыться ходим в бани,
По ягоды идем речными берегами,
Являюсь на базар — торгую что хочу:
Бухарские шелка, московскую парчу
Иль рухлядь мягкую, везомую с Ял-Мала...
В Тобольске городе всего у нас немало!
А как вернусь домой — скрипят во тьме полы,
Лампады по углам мерцают среди мглы.
Этих древних стен бревна ноздреваты
Девства моего вдыхают ароматы.

*

Суровая весьма приспела тут зима.
Казалось, что стучится в наши терема
Татарска бабушка, сама падера вьюга,
Несуща вьюжный вьюк, что стужей стянут туго.
Говорит отец: „Тысяча семьсот
Шестьдесят первый год у городских ворот
Нелюбезно стучит. Ходят глупы толки.
Перепугались все наши богомолки,
Тревожатся купцы в гостинном ряду,
Господин Павлуцкий тот вовсе ждет беду—
Трепещет прямо весь, как жук на булавке,
Стал вовсе сущеглуп чиновник сей в отставке!“
— Болтает он про что? — спросила я отца.
— Про то же самое! Все мира ждет конца,
Антихриста приход пророчит нынче летом,
Да, только, дочь моя, вздор, враки! Суть не в этом!
А будут хлопоты! Из Питера гонец
Известье подтвердил! — А что? — Молчит отец.
Нахмурился, суров. — Неважно это, дочка!

И как проходит день, как наступает ночь,
Простого званья люд и губернатор сам
Все головы дерут, я вижу, к небесам.
Муллы татарские, из юрт придя окрестных,
О том же говорят — о знаменьях небесных.
А что за знаменья, каков их будет вид,
Кого я не спрошу — никто не объяснит.
Отец же мне опять: „Неважно это знати.
Что надобно, о том мы знаем в магистрате!“

Вот мимо башни я иду монастыря
И вижу: меж собой о чем-то говоря,
Нил и Галактион, ученых два монашка,
Глядят на небосклон, вздыхают оба тяжко.
Тут с башни сходит Нил. Меня благословил.
Сказала: — Отче Нил, хоть ты бы разъяснил
Про сей небесный знак немудрой мне девице!
Нил отвечает так: „Тебе, отроковице,
Не нужно поднимать к зениту головы!“
А я ему опять: — Все ж знаки каковы?
К чему они? К войне? Взбунтуются калмаки?
— Нет! — отвечает Нил. — Совсем другие знаки!
Не должно знать про них девице молодой!
Ушел лукавый мних. Уж верно знак худой.
И сердце тут мое сказало: „Берегись!“
Все ж, запрокинула головушку я ввысь
Так круто, что на снег боброва пала шапка.
Гляжу на небеса. Мерцают звезды зябко.
Нет знака. Подняла я шапку и опять
Гляжу, как дура, ввысь, стараюсь разгадать
Каков небесный знак, что он сулит... Однако,
Я никакого там не усмотрела знака.

*

Минуло Рождество. Гадать пришла пора.
А я кидать башмак не стала со двора, —
Пес башмак унесет — вот и конец гаданью!
Для ворожбы хочу уединиться в баню.
Няня мне говорит: „Туда я не пойду,
Баня наша стоит далеко во саду,
До потолка она в снегах — сугробах тонет,
Над крышею сосна вершину низко клонит“...
И не пошел никто со мною из подруг.
Вот в бане я одна. Очерчиваю круг
Мелом на полу, а на приступе печки
Зеркало ставлю я и, по бокам, две свечки.

Пред зеркалом сажусь, от робости дрожу,
Но в зеркало меж тем я пристально гляжу.
Покажется ли мне в зеркале кавалер мой,
Придет ли он в сей год, семьсот шестьдесят первой?
Боже мой! Слышу я: где - то вдруг хрустнул снег,
Будто бы за окном топчется человек.
Нет! То не за дверьми снега я скрежет слышу —
Прямо над головой! Кто - то взошел на крышу!
Сажа шуршит в трубе, как будто кто залез.
То нечисть банная? Глух сад наш, точно лес.
Снега да темнота. Забилось мое сердце.
Ну, ладно! Будь что будь! Вскочив, открыла дверцу.
— Эй, кто на крыше там? — я закричала. — Прочь!
Приказываю вам я, ратманская дочь!

Ах! Это же Антон! Вот кто на крыше банной!
А рядом с ним предмет таинственный и странный,
Напоминающий огромна паука
На членистых ногах, идущих от брюшка.
Сие чудовище, на крыше стоя банной,
В отверстие трубы вперило глаз стеклянный.
О, господи! Весьма Антон хитер!
Но не решился бы пристойный кавалер
Ночью на баню взлезть и сей предмет поставить!
Кричу: — Как смел, Антон, ты на меня направить
Чрез банный дымоход подзорную трубу?
Расстроил ты, Антон, всю мою ворожбу!
Папаше на тебя я жаловаться стану!

— Не для тебя совсем взошел на крышу банну,—
Нимало не смутясь, ответствует Антон
И тычет ввысь перстом: — Взошла на небосклон
Венус — любви звезда. Ея воспел Гораций,
Воспел ея Назон. А я для обсерваций
Имею телескоп. На бане я сидел
Часа, пожалуй, два — все в небо я глядел.
Не знал, кто в бане есть, как ты вошла — не видел.
Тому порукой — честь! Пардон, — когда обидел!

От смеха говорю я, закусив губу:
— Что ж в зрительную ты увидеть мог трубу?
— Венус пройдет звезда на расстоянии близком, —
Сказал он, — меж землей и Гелиоса диском.
В июне месяце то нужно ожидать.
Явление сие приедут наблюдать
К нам академики, весьма учены мужи.
А я уже готов. Я их ничем не хуже!

— Лжешь! — говорю ему. — Тут что-то да не так!
Но, — думаю сама, — теперь понятен знак,
О коем не хотел мне объявлять родитель.
— Про Венеру стишок послушать не хотите ль?
Спрашивает Антон. — Прочту тебе, позволь!
— Нет, — говорю, — Антон, от этого уволь!
Латинского чтеца уж выставил за двери
Папаша как-то раз! — Тому я не поверю.
Он мудрый человек! — А вот поди спроси, —
Смеясь я говорю, — Венерам на Руси
Не поздоровится! Иди-ка во свояси!
Для Венус места нет у нас в иконостасе.
Великомучениц усерднее пиши!
А он: — Конечно, в том спасение души,
Но я изображать умею и натуру, —
Твою вот, например, сладчайшую фигуру,
Твой лик, что для меня священнее икон!
Чуть слышно я шепчу: — Прочь уходи, Антон!
Прелестные его не слушаю я речи,
От бани прочь бегу, не потушив там свечи
И зеркальце забыв. И вот уже одна
Я дома. Из окна я в сад гляжу, бледна.
А в бане то свеча долго еще мерцала.
Как будто б чья то тень гляделась там в зеркало.

2

Он не солгал, Антон! Так вышло по весне:
Соседка попадья вбегает раз ко мне.
„Магус, астролог, — кричит, — волшебник едет!“
Что, — думаю я, — с ней? Она наяву бредит.
— О магусе каком, соседка, говоришь?
— Голубушка моя! Знашь город ты Париж?
Оттуда прибыл гость негадан и непрошен.
Французский звездочет. Зовется Дотерош он.
Тут подоспел отец. — Что ж, попадья, ты врешь?
Совсем не магус он, аббат сей Дотерош.
Духовное лицо. Как твой супруг. Понятно?
Ученый астроном. На солнце ищет пятна.
А ныне, — этого не стоит уж скрывать, —
Венеру он звезду прибыл обозреть,
Которая пройдет по солнечному диску!

Я вижу — звездочет уже подъехал близко.
И мой родитель тут в окошко поглядел.
Заторопился он, регалии надел.
Пойдем-ка, дочь моя, добрых гостей встретить!

Там я обязан быть. Я ратман в магистрате,
А ты с французского нам все переведешь,
Коль разговаривать захочет Дотерош!
Тем временем ящик подвозит гостя к дому.
Выходим мы, спеша, навстречу астроному.
Вокруг его саней уж толпится народ,
Но все посадский люд. Не вижу я господ,
Повидимому, их предупредить заранее
Не преуспел гонец и спят еще дворяне.
Чуть оробела я. Но зов мово отца
Мгновенно мне помог сойти на двор с крыльца.
Вот гость! Откинул он кибитки волчью полость,
Возрился на меня. В глазах его веселость,
Лицо духовное, но брит и моложав.
Тут кланяется он. И губы вдруг поджав,
„Хочу я,—говорит,—стаканчик русской водки!“
Вот, думаю, и верь соседушке-трещетке!
На магуса ничуть сей путник непохож.
Не в остром колпаке явился Дотерош,
Магическа жезла в руках нет никакого.
Француз он как француз. Приветственное слово
Любезно говорит. Но кто ж тебя поймет
Кроме меня одной, заморский звездочет!
Милый ты мой, никто не разберет твой говор!
Ну, что-ж! Не зря учил меня лукавый повар!
Я говорю:— В наш дом, пожалуйста, аббат!
— Спасибо!— он в ответ.— Я буду очень рад!
Вот вылез. На меня глаза свои таращит.

Отец зовет людей — пускай, мол, перетащат
Его пожитки в дом — сумы да сундуки,
Довольно тяжелы они и велики.
Тут на его багаж все навалились скопом.
— А вы,— кричит аббат,— полегче с телескопом!—
Боюсь я, что труба попортилась в пути,
Прошу ее за мной в апартамент внести!
Сибирская езда страшней землетрясения —
За свой я телескоп имею опасенье!

И опасения те были неспроста.
Снимаючи с вещи футляры из холста,
Бормочет Дотерош: „Проклятая дорожка!
Погнулася, увы, у телескопа ножка!“
Вот, наконец, труба. Наверно пуда три
Весит сия труба. Шепнул отец: „Смотри!
Сей телескоп длиной, пожалуй, в двадцать футов,
Его аббат дурной вез кошмами укутав,

И, говорю тебе, — погнулася труба
Ибо красная медь тут для заклепок слаба!
Венус как будет зрить в трубу сию горбату?
Задай-ка, дочь, вопрос об этом ты аббату“.

Но и астроном сам, однако, понял то-ж,
Сел, пригорюнившись. Папаша молвит: „Что ж!
Непоправимые беды я в том не вижу.
Приехавши сюды из города Парижа,
Он догадаться-б мог, что красна медь мягка,
Но телескоп, даст бог, поправим тут слегка.
Пусть господин аббат-сомненья бросит тяжки —
Дуньку лудильщицу возьмем из каталажки,
Куда заключена за блуд и воровство!“

Перевожу я речь папаши моего.
— Так, господин аббат! — я говорю — А ножки
Получим для трубы у некого Антошки!

Тем временем, гляжу, астронома встречать
Является, спеша, вся городская знать.
Сам губернатор наш, я вижу, шлет майора,
Во двор к нам экипаж въезжает прокурора,
Архиепископ то ж к нам службу посылат:
„Французский, мол, у вас находится аббат?
Впоследствии пусть к нам заглянет благосклонно!“
И живописца я увидела Антона.
„Антон! — его зову. — Поди-ка ты сюды!
Аббата Дотерош ты выручь из беды, —
Для телескопуса отдай ему треножник!“
— Вот, — говорю, — аббат, — церковный наш художник.
Венеру наблюдать он начал прежде вас...

Полицеймейстерский я вижу тарантас,
В нем баба дерзкая поводит красным носом, —
Сопровождаема не кем нибудь — профосом,
Лудильщица въезжает к нам во двор.
— Ну, Дунька, не подгадь, — кричит ей прокурор —
Вот прежде поклонись аббату — звездочету,
А вслед за тем берись за важную работу!
На зрительну трубу ты погляди-ка, Дунь!
А Дунька, осмотрев: „Тут даже не латунь,
Обыкновенна жесьть тут надобна, как вижу!
А что до мастеров из городу Парижу,
Так это прямо срам — поставить сплав таков!
Как видно есть и там немало дураков!“

Глаза, — она ворчит, — где ж были у аббата?“
— Ну, ладно, не дерзи, преступница проклятая,
Не то сейчас в острог препроводим назад!
С дворянами знакомится аббат.
— Вам, говорят, уже готовим мы покои!
Но Дотерош на них замашет как рукою.
— Нет, — говорит он, — нет! Все это ни к чему!
В котором я живу, в том буду жить дому,
С гостеприимным сим приютом не расстанусь.
Естественность люблю. У ратмана останусь!

*

И то ли потому, что жить у нас он стал,
А может быть чего он лишнего болтал,
Но только слух прошел про нашего аббата:
Натура, мол, его весьма чудаковата
И сам он простоват. Так люди говорят.

Однажды утречком пьет кофий наш аббат,
Как вдруг увидела я повара Шабера.
— Где здесь, — он спросил, — аббатская квартера?
Ему, де, редкостей принес я кой-каких.
— Ну, ну! — кричит аббат — Показывайте их!
Тут скорчил наш кухмистр гримасу воровату
И что-то в пузырьке он предъявил аббату.
— Вот! Насекомое редчайшее одно.
В Китае, — молвит плут, — лишь водится оно
И кормится оно одним зеленым чаем!
Тут рассмеялась я: — Такую редкость знаем!
О, господин аббат! Пойдемте в огород —
Подобных рыжих мух у нас невпроворот.
Гониге, мой аббат, вы повара подале!
Мы редкостей таких во множестве видали!
Уходит этот плут, но дней так через пять
К аббату он тайком является опять.
Такую он еще проделать вздумал шутку:
Продать за три рубля обыкновенну утку,
Которая у нас копейки стоит две.
— Заметьте, — говорит, — к змеиной голове
Чудесно приросло все туловище птичьё!
— Уйди! — я говорю. — Не то возьмусь за бич я!
И вслед ему еще я выкрикнула так:
— Единоверец твой и все-таки земляк!
Зачем обманывать? А плут и в ус не дует:
— Аббата не надуй, так он тебя надует!
Я поняла: Шабер француз хоть, а мужик

И к благородной он компании не привык.
К учености питал он зависть нехорошу.
А в скорости я так сказала Дотерошу:
— Коль редкостей искать, пойдете на базар,
Там отовсюдова встречается товар.
— Готов! — сказал аббат. И на гостинный двор мы
Приходим как-то раз. Заводим разговор мы
С торговыми людьми... Китайские чай,
Морошка северная, курски соловьи
Для тех любителей из Курска кои родом.
Орехами базар богат и медом.
Бухарцы привезли в тот раз каракульчу.
Чего тут только нет! Все показать хочу.
Вот рухлядь мягкая с Обского Лукоморья, —
Об этом завожу с аббатом разговор я.
— Там молятся, мол, бабе золотой!
— Та баба, — он спросил, — блистает красотой?
— Сама не видела, а коли верить слухам,
Она — скуластая да с выпученным брюхом,
А чиста золота пудов в ней есть до ста,
Но, впрочем, — говорю, — в глухие те места
Не проникал никто, а проникали кабы,
Там бы давным давно не уделело бабы.

— Да, — молвил Дотерош, — нет слов, ваш край богат.
Олень тут, говорят, у вас вдвойне рогат
И всевозможных руд не трудно тут сыскати.
Град чуден ваш Тобольск, что на восточном скате
Стоит Уральских гор уже двухсотый год.
Империю незыблемый оплот,
Воздвигнут город сей Востока при пороге.
Все, все я опишу, что видел по дороге!

Откуда ни возьмись явился тут Антон,
К аббату подбежав, все кланяется он:
— Исправлена ль труба, сгодится ли треножник,
В порядке ль окуляр? — Да, да, мосье художник.
А что купили вы, сказать будьте добры?
— Я, — говорит Антон, — присматривал ковры!
Я ж слушаю: присматривал ковры ты!
Рассказывай, дружок, да ничего не ври ты.
Антон же, между тем, ведет в ковровый ряд
Аббата. Меж собой они тут говорят.
„Заняться я решил мануфактурой ткацкой, —
Антошка говорит, — к работе азиатской
Приглядываюсь я, чтоб кое-что понять“...
Ковровщик тут ковры как начал расстилать,

Ковров за пять минут сто развернул, не мене.
Бухарские ковры и наши из Тюмени.
Вдруг закричал аббат:— Я по Европе всей
Проехал, но ковер тюменский дивный сей
Напоминает мне весьма не отдаленно
Изделья самого папаши Гобелена!
— Да,— говорит Антон,— фигур лишь не хватат!
— Магометанский стиль!— отвечает аббат,—
Но коль сих мастеров заставить ткать бы шелком,
Да производство то, мой друг, наладить с толком—
Что, господин Антон, тужить насчет фигур!
Антошке на ухо шепнул тут балагур,
А что не поняла,— негромок был сей шопот.
— Да,— говорит Антон,— такой и мыслю опыт.

Беседа, они весь обошли базар.
Киш-мышу накупил аббат наш у бухар,
Ягушку женскую он из гагачьих перьев
Купил, по простоте её к себе примерив.
— Да это женская!— ему я говорю.
— Ах так,— он отвечал.— Что ж, дамам подарю.
В Париж я привезу диковинных новинок..
Готовится в попы, а, видимо, не инок,
Но бравый кавалер,— к любезностям привык.

Еще он приобрел себе моржевый клык,
Да стерляди живой, да туесок морошки.
Поклажу ту нести велела я Антошке.

Вот так, покудова приготовленья шли,
Чтоб Венус наблюдать меж солнца и земли
Величественный путь, и телескоп покуда
Лудильщице лихой был отдан для полуды,
Все хлопотала я, чтоб гость наш не скучал,
Чтобы плохих людей пореже он встречал,
А то ведь груб народ в углу у нас медвежьим
И посмеяться всяк мечтает над приезжим.

*

Успело лето тут вступить в свои права.
В зеленую листву сделись дерева.
Вечером как то-раз в сад я зову аббата,
А сад наш точно лес. Плывет луна щербата
Среди густых древес. Час поздний. Уж темно.
Каков весной Париж,— про игры в Рампоно,
Болтает мой аббат, да про бульварны фарсы,

Про то, какой парад видал на поле Марса,
Про шумства школяров в тавернах у застав,
Да, кстати, и каков в Сорбонне был устав,
С аптекарями как иезуиты спорят,
Как короля Луи министры с чернью ссорят, —
О чем только аббат не толковал в тот раз!
С вниманием его я слушала рассказ —
Все любопытные известия на диво
И излагает их аббат красноречиво —
О многом он сказать умеет заодно.

Вот подле бани мы садимся на бревно.
Тут, тростью банных стен исследовавши гнилость,
Аббат вдруг спросил: — Скажите мне на милость —
А вам, сибирякам, живется каково?
А я, — ему в ответ: — Живется ничего...
Конечно, уж не столь резвимся на гуляньях. —
— А что, — он спросил, — вы делаете в банях?
— Мы в бани, — говорю, — приходим мыться чтоб.
— Я слышал: нагишом кидаются в сугроб,
Из бани выбежав, люди в мороз трескучий.
Я говорю: — Таков бывает редко случай.
Идут на этот риск, кто слишком уж здоров...
Архиепископских спросите кучеров...
А те же, — говорю, — кто воспитаньем нежны,
Едва ли нагишом в сугробы скачут снежны.
— А прутьями там бьют? — вновь спросил аббат.
— Нет, — говорю, — мосье. Ошибочен сей взгляд.
Вениками — да, парятся кто хочет,
Березовый букет в воде горячей мочат
И парятся затем. — И польза велика?
— Вы это, — говорю, — прибыв издалека,
Извольте испытать. — Вы попросите веник.
— Так что ж, — ворчит аббат, — мне врал Шабер
мошенник?
— Известно, — я смеюсь, — что вздор он говорит.
— А все ж, — заметил Шапп, — сих бань причудлив вид.
Гравюру закажу, Антона как увижу.
Гравюру ту смотреть сбежится пол Парижа!

*

И наступил тот день... На городской крут вал
Все население Шапп Дотерош позвал.
И губернатора со всем его советом,
И жены ихние, чтоб были бы при этом
Великом торжестве, как через солнца лик

Венус пройдет звезда. Свой телескоп велик
Поставил на валу на городском высоком
Аббат Шапп Дотерош... Толпа течет потоком.
Тут горожане, тут и мужики.
Татары скопищем пришли из-за реки...
— Алла! — кричит. — Алла! Что в небе там? — пытаются.
Ничто, — им говорят, — там гурии летают!
Павлуцкий тут, как тут, безумный господин.
— Конца, мол, мира ждав, я дожид до седин.
Я Апокалипсиса знаю откровенья:
Меж солнцем и звездой возможно столкновенье!
Смеются все над ним. Сам губернатор наш
Стал выговаривать: — Оставьте эту блажь!
Мол, женщины, вразнос торгующие репой,
Не верят уж во бред Павлуцкого нелепый!

Приехал, наконец, архиепископ сам,
К аббату подошел, дивится чудесам,
Латинску речь завел тотчас архиепископ:
— Венера не пришла б к нам, грешным, слишком близко б,
Да не упасть бы ей на женский монастырь.
И так уж нравами прославилась Сибирь,
Особливо, аббат, все пригородны лавры —
Монахи тут у нас доподлинно кентавры!
Подобных им, аббат, едва ли где найдешь.
— О, нет! Повсюду так! — ответил Дотерош.
— Все ж, вы, мой друг аббат, жалеючи народа
Прелестную звезду гоните с небосвода!
Да захохочет как! Смеется и аббат.
Как будто бы они о деле говорят,
А если разобрать, — так уноси святыни.
Но кто же тут учен церковной их латыни?
Ведь даже не поймут о чем толкует он
Премудрых мниха два — Нил и Галактион.
Обоих вижу я: стоят в соседстве тесном,
Знамением себя лишь осеняют крестным.
Смешно и поглядеть на этаких святош.
Вниманием меня не дарит Дотерош.
Среди он знатных лиц, а я, все ж, не дворника.

Вдруг замешательство в толпе и перебранка.
Расталкивает всех, немало горд собой,
Антошка со своей оптической трубой.
Ее он укрепил на деревянные ножки.
Мальчишество резвится вокруг Антошки,
А между ними и Павлуцкий господин!
— Позвольте поглядеть в трубу хоть миг один!

— Нет, — говорит Антон. — Для вас тут нету места,
А будет Венус зрить со мной моя невеста!
И тянет он меня, проклятый, за рукав.
И говорит он мне хитер, весьма лукав:
— Твой господин аббат забыл тебя, драгая!
Смотри в мою трубу! — Но я, его ругая,
Зардевшись от стыда, отшатываюсь вспять.
Тут, дерзкий, за рукав цепляется опять.
И вот, уже без сил, смущаясь и робея,
Как он меня просил, приблизилась к трубе я.
И, как Шапп Дотерош стоит среди господ,
Так малый телескоп наш окружил народ.
— Ты, ратманская дочь, — я слышу восклицанья, —
Получше различи планетнос мерцанья!
— Уж ладно! — говорю...

И в этот самый миг

Венера наплыла на Гелиоса лик.
Всем возвестил сие аббата голос, звонок.
Вдруг замер весь народ. И лишь грудной ребенок
Заныл среди толпы у бабы на руках.
Я помню вал, людей и небо в облаках.
И закопченные мерцают тускло стекла.
На солнце я гляжу. Нет! Солнце не поблекло.
Что вижу я? Ничто! Лишь сгненную мглу.
Ах! Словно чья-то тень проходит по стеклу!
Ах, черная! Ах, пламень вспыхнул красный!
Не девы ль силуэт вдруг вижу я неясный?
Конечно, Венус то!

— Антон, — шепчу, — Антон!

Взгляни! — Лицо свое с моим тут сблизил он.
— Ты видишь? — Вижу! — Что? — Каку то красну блошку!
Я оттолкнула прочь презренного Антошку.
— Дурак, — шепчу, — болван. Гляди в трубу один!

Но тут припал к стеклу Павлуцкий господин,
Он чмокает, пыхтит, он напирает задом.
— Что делать — думаю — с такой фигурой рядом?
Мне надобно уйти! — И боком, кое-как,
Тут пробиваюсь я через толпу зевак.
Виденья своего я необыкновенность
Навеки сохраняю. Я лицезрела Венус!

*

Был вечер. Городской уж обезлюдел вал.
Аббат же как ушел, так дома не бывал.
Отец мне говорит: „В честь обсерваций оных

Сегодня будет бал в палатах во казенных,
И обещал прибыть туда часам к восьми
Сам губернатор наш с женой и дочерью.
Профосиха туда пойдет в античной маске.
Там будет фейерверк, каки то игры, пляски.
И гостя ты домой не жди, пожалуй, дочь,
Поскольку, пиршество продливши целу ночь,
Поедут допивать на архирейску дачу“.

Тут спать пошел отец. Сижу я чуть не плачу,—
Обидно все же мне — свет до чего спесив,
Что гостя увезли, меня не пригласив.
Хотя, конечно, мой папаша не из знати,
А все же ратманом он в нашем магистрате.
Хоть из городских он родом казаков,
Но обходителен довольно и толков,
Избранник от людей торговых и посадских.
Нуждаются в его услугах магистратских,
А коли пиршество — не пустят до дверей!
Я губернаторских не хуже дочерей!
Французскую я речь не меньше разумею
И танцы я плясать не хуже их сумею...
Ах, вижу, в небесах взметнулся фейерверк.
Он, тысячами искр рассыпавшись, померк.
Гляжу в оконце, жду другого фейерверка.
Вдруг вижу: во саду приотворилась дверка.
„Антон!“ — я думаю. Шалишь ты! Не войдешь!

Нет! Вовсе не Антон. Аббат мой Дотерош!
В шинели голубой одетый он парадно,
Приблизился. Вином пахнуло преизрядно.
Вдруг, на колено встав перед окном, он рек:
— Чрез Вену ехал я, Брюнн, Никольсбург, Фридек,
Австрийских видел дам, прельстительных полячек,
Но только никого нет краше сибирячек!
Прелестнее тебя я, дева, не видал!
Сегодня в телескоп Венеру наблюдал,
Но, чтоб Венеры путь видеть чрез диск солнца,
Лишь надо заглянуть в сей дом через оконце!
Сибирских дочь снегов! Меня пленила ты.
О, северный цветок редчайшей красоты,
Вернуса за тобой и прочь сутану сброшу
Коль верить хочешь ты, мне, Шаппу Дотерошу!
О, боже! Таковы услышавши слова,
Бегу в сад, трепеща. Кружится голова.
У бани на чурбан бессильно опускаюсь,
За некий стебелек рукою я хватаюсь

И, сей цветок сорвав, дрожит моя рука...
И звездочета речь звучит издалека:
— О! „Киприпедиум“ иль „Башмачек Венерин!“
Небесный в этом знак, хоть я не суеверен!
Вот каковой тогда я сорвала цветок.
Он называется „Венерин Башмачек“,
Таежный сей цветок, расцветший подле бани.
Как будто бы судьбу свою он знал заранье!

3

Осталось рассказать немного мне сейчас,
Подходит он к концу, подробный сей рассказ,
Хоть повествую я, быть может, и нескладно...
Есть сочинители ученые изрядно,
Но на французский лад, да на латинский лад
Как эхо мертвое их голоса звучат,
Я ж повести моей лишь в том и вижу ценность,
Что смело я иду на полную откровенность,
И, строги критики, мне дела нет до вас!

*

Прошло уж года три как Шапп покинул нас —
Все замуж не иду. Архиепископ сам уж
Рек: — В нынешнем году дочь, ратман, выдай замуж!
Я ж думаю — придет еще моя пора!
Живу и не тужу. Сегодня что вчера:
Схожу в господен храм, схожу помыться в баню;
То набелюся я, то щеки нарумяню,
Да очи подведу, чтоб стал приятней взор.
Зимою с ледяных катаемся мы гор,
Как девам следует, на легоньких салазках
И святки, как всегда, проводим в играх, в плясках.
А замуж не хочу, — спокойней так душе.
Как лето подойдет, купаюсь в Иртыше
Среди других подруг. Я в камышах разденусь
И, отраженная зеркальной гладью Венус,
Июльскую в реке затею ворожбу.
Я знаю: зрит на нас в подзорную трубу,
За кручей скрыт, Антон, поклонник мой упорный.
Что мне? Пускай мечтой себя он тешит вздорной.
Ведь многие еще, во мгле по вечерам,
Речного берега по глинистым горам,
Из бурсы школяры да гвардии сержанты —
Блуждают в поздний час, когда поют куранты
Над башней ратуши, предвозвещающая ночь.

„Купается сейчас, мол, ратманская дочь,
Венера здешняя!“ Иртышски волны плещут,
Над яром же в кустах что волчи очи блещут...
О, люди добрые! Обычай вам хорош—
Венеры наблюдать оставил Дотерош!
Как обсерваторов клеймила я подобных!
Немало им я слов презрительных и злобных
Бывало говорю, ксья явятся в наш дом.
Родитель, не поняв иль разобрав с трудом
К чему мои слова, корит:—Ты, злая дева!
Во власти ты всегда презрения и гнева!
Нет, мой отец, была во власти я мечты,
Но тайную мечту не смог понять бы ты!
Я думала, что цел мой башмачек венерин.
Его в Париже след, я мнила, не потерял.
Мне снился все еще чудесный этот сон.

Раз, помню, прибежал к родителю Антон.
— Мануфактур-коллегии имею разрешение
Я фабрику открыть за городом Тюменью!
Поможет выполнить мне это магистрат?
Довольно уж теперь я сделался богат.
Архиепископ сам мне оказал вниманье.
Я фабрикантом стать давно имел желанье—
Хочу производить я некие ковры.
Ткачих купить помочь мне будьте вы добры,
Как следует сие обдумав в магистрате.
Вы можете моим компанионом стати,
Коль скоро ваша дочь захочет то, отстав
От милых для нее девических забав.
А то останется она ведь стара дева!

Затрепетала я от горя и от гнева
Услышав, как сие выкрикивает он.
Я вышла, говорю:

— Послушайте, Антон,
Персона ваша вся мне до того отвратна,
Что где вы сядете, там вижу грязны пятна
И, как уходите, там все еще пятно...
Когда ты прочь пойдешь и дверь я и окно
Стараюсь распахнуть, Антон, сколь можно шире!
Подлей тебя никто не проживал в Сибири!

А дальше вышло так. Угрюм, потупив взор,
Пришел к отцу писец. — Зовет, мол, прокурор!

— А для чего, дружок? — Да так... по делу, лично.
Каку то смотрит он картинку неприличну.

Ушел отец. Домой вернулся через час.
Глядит он на меня, ах, не спуская глаз.
Зовет к себе в покой. Дверь запер на задвижку,
Дрожащею рукой выхватывает книжку.
— Читай-ка дочь!

Едва губами шевеля
Шепчу: „Вояж в Сибирь по воле короля
В год тысяча семьсот шестьдесят первый...
Которое в себе отчет содержит верный...“
— Отец! Да это ж труд аббата Дотерош!
— Да. Правильно! — отец сказал мне — Ты не лжешь!
В Париже куплено у книжника Дебюра!
Взял книгу тут отец.

— А вот сия гравюра?
Рисуночек хорош? Фигуры узнаешь,
Которы поместил в сей книжке Дотерош?
Вот на гравюре сей знакома ли фигура?
То вымысел, скажи? А может быть натура?
О, боже! Какова мерещится мне дрянь!
Гравюра такова: изображенье бань,
Каких в Сибири мы не видывали сроду.
Он, дымный, адскому весьма подобен своду,
Свод этих мнимых бань. Взобравшись на полки,
Торжественно сидят нагие мужики,
А рядом — девушки и маленькие дети...

— Где ж бани таковы сумел он подглядети?
— Ты подожди-ка, дочь, — родитель молвит мой, —
Ужель не узнаешь ты здесь себя самой?
Ужель самой себя не можешь ты узнати?
Признал ведь прокурор, признали в магистрате.
Позор! Каков позор!

Ах, в пара облаках
Себя я вижу. Я! Я с веником в руках.
С Дунькой лудильщицей из бани, вижу, обе,
Бежим, наги, во двор, кувыряться в сугробе.
С Дунькой лудильщицей! Бог мой! Какой позор!
Бежим средь мужиков кувыряться на двор,
А вон и прокурор, наг, пляшет на сугробе.
Ах, кто намалевал сей пасквиль в лютой злобе?

— Вот, — говорит отец, — сколь подл сей полупоп.
Его бы самого — раздеть бы да в сугроб!
И прав был плут Шабер, — никто спорить не станет —
Аббата не надуй, так он тебя обманет!

Так, в величайшую попала я беду.
— Отец, — кричу, — отец! Я в монастырь уйду!
Чтоб скрыться от стыда иное есть ли место?
Пусть буду я, отец, христовая невеста!
— В монашки хочешь? — Да! — безумно я кричу, —
Я ж опозорена. Покой найти хочу.
За грешны помыслы приму я наказанье,
А мне помогут в том посты и бичеванья!
Отец, — кричу ему, — иди же поскорей!
И все ты разузной насчет монастырей,
Как принимают в них, устав в котором строже...
О, боже! Помоги мне, всемогущий боже!

Спровадивши отца, за книжку вновь берусь.
О, злой Шапп д' Отерош! Приехав к нам на Русь
Зреть через солнца лик Венеры прохожденье,
Премудрые весьма ты сделал вычисленья,
Чтоб с достоверностью все люди бы могли
Знать расстояние от солнца до земли.
Вот для сего, аббат, и книгу публикуешь.
Европа рада вся и ты, аббат, ликуешь.
Ты солнца параллакс решил определить.
Затея доблестная, что и говорить!
Почто же, д' Отерош, служба своей науке.
Людей ты оболгал, меня обрек на муки?
Кому в угоду, Шапп, так опоганил ты
Невинные мои девически мечты?
Венерии башмачек зачем ты брал в подарок?
...Ах, помню: был июль не по-сибирски жарок,
А осень — холодна. Осталась я одна.
Бывало у окна сию всю ночь без сна
Одною лишь мечтой напрасною согрета:
Придет, мол, день златой позднего бабьего лета!
Что сделала тебе плохого я, аббат?
Зачем изобразил. Теперь ведь засрамят!
Бесстыдницей меня соседи все закличат!
И засмеют меня и пальцами затычут!
Ах, опозорена! На рынок по утрам
И в праздничные дни молиться в божий храм,
И на берег речной я выйти не посмею —
Все засмеют меня!

Но кто, подобно змею,
По древу за окном взбирается? Кто он?
Ах, кто же мог другой бычь кроме, как Антон!
Никто другой, как он, вернейший мой поклонник,

С древесного ствола ползет на подоконник.
Я вижу: из листвы обрызганной росой
Антон явился вдруг с напудреной косой,
В кафтане, в треухе.

— О, Венус! Люба Венус!
— Отворотись, — шепчу, — и жди пока оденусь!
— А что, — он говорит, — мы медлить будем тут,
Да ждать, когда тебя в монашки постригут.
На древе добрый час сидел я. Ноет тело.
Весь слышал разговор. В монашки захотела!
Сей замысел оставь. Архиепископ прав,
Что во монастырях злой дух вдвойне лукав.
Доверься моему, о, любя, разуменью:
На фабрику ко мне уедем под Тюменью.

— Пстой! — я говорю — Опять ты что-то врешь!
Тебе... заказывал гравюру Дотерош?
Я говорю, ты бань писал изображение?
А он в ответ: — Спешим! За городом Тюменью...
— Нет, — говорю, — ответь: чертеж ты делал бань?
Ощерился Антон. — Эй, — он кричит, — отстань!
Пусть даже бы и я... Случайно это сходство!
— Нет в вас, — я говорю, — ни капли благородства!
А он в ответ: — Меня преследовал твой лик.
Свой искуплю я грех, хотя он и велик.
Что хошь со мной твори!

— Ах, так! — И, улыбнувшись, —
Вот получи за то! — сказала. Размахнувшись,
Антону нанесла удар я по лицу
И вслед за тем пинок дала я подлецу,
Да так, что сапожка носок воткнулся острый
Сквозь треснувший кафтан, и вмиг от крови пестрой
Одежда сделалась.

— Что? Получил, подлец.

Тут на переполох является отец.
Я думала: в окно Антон захочет скрыться.
Но нет! Родителя нахал сей не страшится.
— О, ратман, — крикнул он, — хоть дочь у вас глупа,
Хоть ранен ею я — давайте нам попа!
Немедленно прошу нас с девой обвенчати,
Извольте дать попа. Вы ж ратман в магистрате!
Пусть дела, — он кричит, — не будет никому,
Что опозоренную замуж я возьму!
Положим тем конец мы недоразуменью.
На фабрику к себе под городом Тюменью
Супругу юную хоть завтра увезу!

Три ткацкие станка лежат уж на возу.
Поедем напрямик мы по лесным дорогам!

— Ну, дочь, — сказал отец, — давай, решайся. С богом!
— Я не хочу! — кричу. Вдруг вижу: покраснев,
Как будто б обуял его великий гнев,
Пошатнулся отец, рухнул на пол со стоном.
И оба тут к нему мы бросились с Антоном.
Ах, чем помочь? Хрипит. Неужто смерть близка?
За отставным лечу драгунского полка
Лекарем, что меня латыни учил когда-то.
(Поблизости он жил у старого солдата).
— Сейчас бежите к нам! Папаша занемог!
— Нет, — опасаясь я, — бормочет старичек, —
Мне ратман не простит язычески соблазны!
— Оставьте, — говорю, — вы шутки эти праздны!
И в дом наш лекаря тяну я за полу.

Попрежнему лежит родитель на полу.
Склонился лекарь тут. Промолвил, вздохнув тяжело:
— Да. Апоплексия. По русскому — кондрашка!

*

Колоколов еще печальный звон не смолк, —
Он все мне слышался, — но, чую, шуршит
шелк..

И погребальные еще чадили свечи —
Фату венчальную несли уже навстречу.
На церемонию не стали звать людей,
Но на конюшнях уж готовят лошадей.
Архиепископ сам пособник был Антонов —
Венчали впопыхах, таясь, в обход законов.
И ночью старый дом покинула я наш —
Каки-то господа втокнули в экипаж.
Куда везут? Что мне! Хоть в монастырь на Конду!
Я, в бархатну закутана ротонду,
Дрожу. А мой супруг бормочет во хмелю:
— Ты — Венус! Я тебя без памяти люблю!
Везу во храм лесной, в волшебные хоромы.

Мрак, гари черные, седые буреломы..
Но вот и фабрика. Кругом ее леса.
Приветственные я не слышу голоса.
Цепные воют псы. Распахивает кто-то
Все червоточиной изрытые ворота.
Вот тут-то я впервой и вижу этих дев...

— О, боже,— думаю,— на них я поглядев,—
Как девушки сии унылы и несчастны!
Как лица их бледны, а взоры — безучастны!
— Откуда,— говорю,— девицы таковы?
Антон же мне в ответ:— Привез из-под Москвы.
— И не бегут?— Зачем! Им жизнь така в привычку.
А, впрочем, мы сейчас устроим переключку.

... Колоколов еще печальный звон не смолк,—
Он все мне чудился.. Но выл таежный волк
За фабрикой в лесах. Ах, откликались девы.
Девически мечты, я спрашиваю, где вы?

*

О, муж, постылый муж, домой вернулся ты!
На ненавистные гляжу твои черты.
Ты спишь. Лицо твое и сыто и усато,
А ведь любил меня и ты, Антон, когда-то!
Давно любовником ты быть мне перестал.
Иное на уме. Негоциантом стал.
В Санкт-Петербург себе ты проложил дорогу.
Кто знает про твою сибирскую берлогу?
Тюмени около, в урмане ты сидишь,
А люди думают: уехал ты в Париж,
В Берлине побывал, не миновал и Вены,
В дворцах ветшающих скупая гобелены.
Так люди думают. Уехал, мол, в Париж
За гобеленами. А ты вот здесь храпишь.
Кто догадается, что вовсе не в Париже
Товар находишь ты, а кое-где поближе.
Любители ковров! Платите не скупясь.
Княгиня Дашкова и вы, великий князь,
Сим рукоделием обейте хладны стены!
Но не в Европе те добыты гобелены.
Есть баня. Тут, в лесу, на берегу речном,
Есть баня, говорю, со слюдяным окном!
Поверьте! Вот она таится за заплотом!
Нетоплена она, но истекают потом
Здесь девы пленные. И в карцере таком
Висят тринадцать люстр под низким потолком.
Ах, множество свечей струят потоки света,
Чтоб девы пленные трудились до рассвета.

Да! Знают только лишь дремучие леса
Какие среди них творятся чудеса, —
Отнюдь не для мытья, совсем не для гаданья

Стоит на берегу таинственная баня.
Ее б изобразил презренный Дотерош
И, верно бы, таков рисунок был похож.
Как сими Парками сибирскими лесными
Иль девками, сказать вернее, крепостными
Плетется нить судьбы, и властвует, суров,
Над подневольными ткачихами ковров
Не Зевс, но мой супруг, — хитрейший спекулятор
Архиепископ сам и даже губернатор
Содействуют ему. Права он получил,
Тринадцать бедных дев он в баню заточил.
Рисунки сочинив, чтоб эти девы пленны
Не уставали ткать поддельны гобелены,
А между них и я, хирела, пленена.

Все думают: „Париж! Французская казна
Мануфактуру сих ковров имеет только“.
Не верьте никому: в том правды нет нисколько!
Тут вовсе непричем французская казна!
Мужичек-мастериц сокрыты имена,
Но догадаться всем нетрудно об обмане,
Узнавши чье лицо глядит с роскошной ткани.
Искусниц-мастериц каких не знал Париж,
О, муж, ты тростью бьешь и голодом моришь,
Чтоб девушки сии, прикованные к бане,
Одно мое лицо сумели ткать по ткани!
Замыслил негодяй — ткачихи ткать должны
Венер, Юнон, Минерв с лицом твоей жены.
Не захотел другой изображать фигуры,
Не пожелал иной ты подыскать натуры.
И, так, уж сотни раз меня ты продаешь,
Как продал в первый раз аббату Дотерош.
В уплату может быть и дал совет он дельный —
В лесах производить сей гобелен поддельный.
Для всех обнажена, Антон, твоя жена,
Блудливых стариков я радовать должна,
Чужих любовных ласк я вижу откровенность.
В альковках у вельмож пригвождена я, Венус!

А здесь? Ах, боже мой, и здесь покою нет-
Со злобою глядят ткачихи мне вослед.
Как убедить мне их, что злоба их напрасна.
Не менее рабынь хозяйка их несчастна.
Меж всех его рабынь я первая раба —
Вот какова моя несчастная судьба!
Мне не уйти из пут искусной этой пряжи,
Меня ткачихи ткут на рынок для продажи.

И так за годом год, за годом год идет.
Ценитель сих Венер ответа не найдет
Откудова и как родился призрак странный—
Из пены ли морской, из сырости ли банной?
Так думала сама вчера еще. Но нет!
Ценители Венер, получите ответ!
Сего не разъяснив, в могилу я не лягу.

Подайте ж мне, прошу, чернила и бумагу!
Гусиное перо подайте, я прошу—
Вам о судьбе своей я повесть напишу!
Будете если вы повесть сию читати—
Знайте — жесток Эрот да и насмешлив, кстати.
Где Венус? Где звезда? Я вспомнить все хочу.
Вот, взявши со стола оплывшую свечу,
Ладонью заслоню, чтоб пламя не мерцало
И, крадучись, к тебе я подойду, зеркало.
Я пристально гляжу. Неужто отекло
И дышишь тяжело ты, кладное стекло?
Зеркало! Трепеща стою перед тобою,
Как дева молода, что, тешась ворожбою,
Стояла, ах, не раз в отческом дому.
О, холодное стекло! Туманишься к чему?
Нет, нет! Не может быть, чтоб ты не захотело
Бесстрастно отразить еще живое тело!

Еще не гаснет нимб вокруг моих волос,
Еще глядят глаза, зеленые от слез.
Глядят ли? Боже мой! В зеркале полном света
Лишь тусклый огонек я вижу.. Только это!
Оплывшую свечу и больше ничего!
Оплывшую свечу и больше никого!
Где Венус? Где звезда? Где женщина раздета?
Оплывшую свечу я вижу. Я ли это?

Гусиного пера не надо, — я кричу,—
Свою свободу я вернуть себе хочу,
Покудова свеча еще не догорела,
Покуда есть душа, покуда дышет тело!
Так мсти же за звезду, оплывшая свеча!
Пусть сизый язычек рванется, трепеща.
Он скачет. Он растет. Пусть ринется на стены!
Пожрет он пусть и вас, проклятые гобелены!
Столб пламени затмит холодный лик луны,
Проснитесь девушки, что здесь заточены!
Вас безымянных дев, вас безнадежных узниц,
Зову на помощь я, как мстительных союзниц!

О, боже! Дым густой валит через окно,
Трещит под потолком тяжелое бревно,
Но дымовая вмиг развеется завеса—
Вас, девы пленные, я выведу из леса!
Навстречу пламени вей ветер ледяной.
Ах, небо звездное открылось надо мной.
Незримою тропой из темного урмана
Иду на белый свет—Венера домотканна!

СОДЕРЖАНИЕ

Встреча	3
Сестра	8
Рассказ про мастерство	14
Волшебные сады	22
Исповедь Елтона	36
Сказка об атамане Василии Тюменце	44
Правдивая история об Увенькае	61
Домотканная Венера	82

215

30-00

